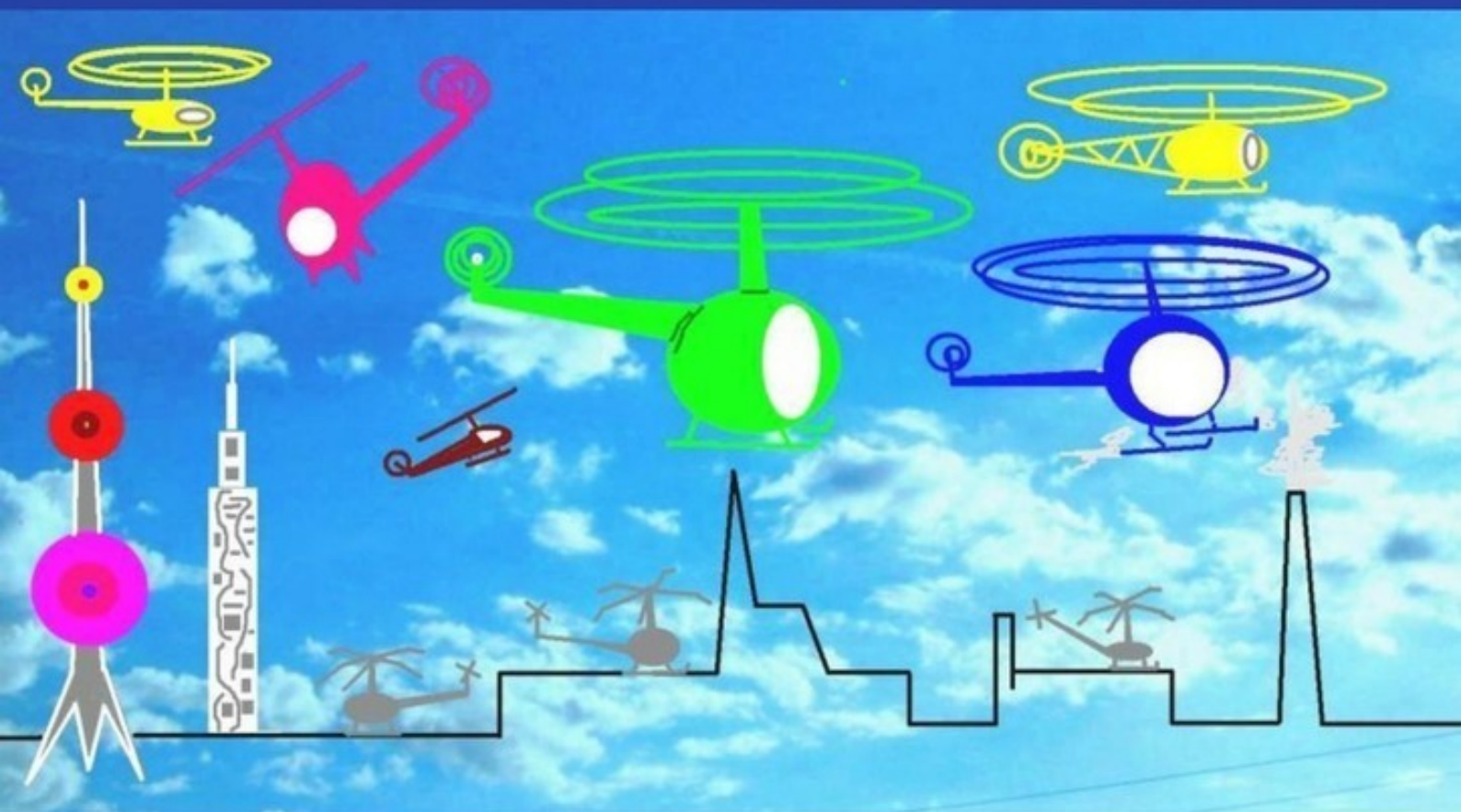

Олег Скрынник

XXI ВЕК

повести и рассказы

Олег Скрынник

XXI век. Повести и рассказы

«Издательские решения»

Скрынник О.

XXI век. Повести и рассказы / О. Скрынник — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-932974-5

В книге собраны весьма разноплановые произведения — от спокойной, лиричной до полумистической прозы и детектива. Это даёт представление о творчестве автора, проявляющего интерес ко всем направлениям современной литературы. Это же и позволяет говорить о том, что книга заинтересует любителей самых разнообразных жанров. И к какому из них ни относилось бы произведение О. Скрынника, для него неизменно характерна манера изложения — лёгкая, пронизанная светлым юмором.

ISBN 978-5-44-932974-5

© Скрынник О.
© Издательские решения

Содержание

П о в е с т и	6
У зеркала	6
Конец ознакомительного фрагмента.	57

XXI век

Повести и рассказы

Олег Скрынник

© Олег Скрынник, 2018

ISBN 978-5-4493-2974-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

П о в е с т и

У зеркала

Все герои и события вымышлены.

Возможные совпадения чисто случайны

Нос картошечкой. Слегка вздёрнутый, но ничего себе. Он даже как-то молодит. Губки бантиком. Немного тонковаты, но можно поправить помадой. Например, вот так. Не чересчур?

Бигуди долой. Светлая копна, крупными кольцами. Хороша даже без лака.

Сделаем глаза. Светло-серые, левый с едва заметным тёмным пятнышком. Если слегка опустить веко, то его совсем и не видно. Правда, с приспущенным веком вид – будто что-то неладно с лицевым нервом. Неужели? А вот так? Как будто подмигиваю кому-то. Это не пойдёт: не могу же я всем подмигивать! Не валяй дурака: надо вот как. Ты прекрасно это знаешь, ещё с 8-го класса. Именно так. Дама-загадка. Дама-тайна. Дама-себе-на-уме. Загадка, которую хочется разгадать. Главное – не поднять раньше времени глаза. Ни на кого! Пусть приседает, если хочет. Подбородок чуть вверх, а левое веко остаётся слегка приспущенным. Вид выжидательный: я решаю, стоит ли вас выслушать. С чем вы ко мне?.. Ах, извините, вы ошиблись. Вы всё ещё здесь? Если после нескольких суток такого тритинга вдруг широко распахнуть веки и посмотреть долгим пристальным взглядом – и глубоким, и влажным – то открывшееся при этом пятнышко засверкает неожиданной прелестью, как чёрная жемчужина. Это проверено много раз. Первым был Саша Малягин. На него посмотрела на самом выпускном. Забавно, что он тогда чуть было не наплевал на свою мореходку. Эх, быть бы мне в те времена чуть-чуть поэгоистичнее! Хотя... Кем бы он стал, если б остался здесь? Наверное, каким-нибудь инженером. Постепенно чёрная жемчужина превратилась бы просто в пятнышко. А он без своего моря стал бы бледен, скучен и неинтересен. Ещё бы спился, чего доброго. Нет уж, спасибо! Соблазнять тоже надо с умом.

Эк как вас метнуло, Любовь Сергеевна. «С умом»? А Борюсик Бубенцов?

Что ж, Борюсик... С Борюсиком время потрачено не зря. От него вот эта квартира и ещё – одна личность, которая вон дрыхнет несмотря на...

Боже, уже восьмой час!

– Эге ге-эй! Мишка-шалунишка. Встаём. Подъём!

Так что Борюсик был в своё время соблазнён всё-таки не без ума.

– Чистить зубы, мыться. В школу собираться!

Кто же мог знать заранее, что у него такие острые мослы. Прямо не скелет, а какое-то долбило! Каждый день этого супружества ходила в синяках. И постоянно тряслась: вдруг кто-нибудь случайно увидит. Объясняй потом, что это не от побоев, а совсем наоборот!

Очень кстати подвернулась тогда эта дура, Надька, с хищным носом и страстью к чужим мужикам. Вот пусть теперь она с синяками походит! А мы с сынулей уж как-нибудь сами...

– Мишка! До сих пор без штанов? Да что же за наказание такое! Вот я тебе сейчас!..

До чего же худющий. Одни мослы! Вылитый отец. Хоть корми, хоть брось – толку никакого.

– Мыгона момань г мамуке? – проговорил Мишутка с набитым ртом. О... Да ведь это же он спросил: «Сегодня опять к бабушке?» Боже! Уже снова суббота. Надо же, как летит время.

Опять принимать Николая. Что делать! Такова бабская доля. Откажешь раз, два, а на третий он сам не придёт. Ищи тогда другого! Оно, вроде бы, и нетрудно: кандидатов пока хватает. Но ведь какой ещё попадёт! Вдруг такой, что сто раз пожалеешь о Николае. Да и вообще... «Хер

на хер менять – только время терять!» – говаривала, бывало, Валька – проводница, наставница по студотряду.

И что это я её вспомнила?

– Сменную обувь не забыл? Молодец. Вот деньги на обед. К бабушке – сразу же после уроков. Нигде не болтаться! Слышишь? Я проверю.

Бабах-х-х!!!

Господи, когда же он научится придерживать дверь?

Сегодня у меня 3-я пара. Пока можно прибраться в квартире... А ну её к лешему! Понезжиться в ванне? Потом не захочется никуда идти. Последний номер «Юности». Библиотекари рекомендовали. К понедельнику надо прочесть... Нет. Понедельник у меня свободен от занятий. Не тащиться же туда из-за одного журнала! Потерпят до вторника. Ах, во вторник занятия только вечером? Тогда до среды. В среду кафедра. Тоже можно бы сачкануть, но после неё консультации дипломников. Так что уж придётся идти, до кучи.

Протягиваю руку, нащупываю прохладные пластмассовые поверхности. Кубик Рубика. Подарок сынули на прошлое 8 Марта. Уже почти год ломаю над ним голову – и никакого толку. Интересно: он просто так мне это подарил или со значением? Мог и со значением, с него станется. А что, мол, мать, слабо собрать кубик? Так-то вот. Стало быть, сиди себе и в мои дела с указками не суйся. И ведь ничего не скажешь! Потому как сам-то он, змей, давно его собрал. Три дня пыхтел, во двор не выходил. Хоккей забросил! Но собрал. А мать вот год мучается, да ничего у неё не выходит.

И уроков с ним делать не приходится: сам справляется, паразит. Да нужна ли я ему вообще? Разве что деньги давать на обеды. А вот ещё чуть-чуть, научится зарабатывать сам – и точно буду не нужна.

Говорят: чужие дети быстро растут... Свои, как оказалось, – гораздо быстрее.

М-да. Но пора одеваться. Синий костюм... Нет, всё-таки бежевый. И не помешает чуть-чуть духов. Самую капельку.

– Здравствуйте. Садитесь.

Отсутствует почти полгруппы. Ничего удивительного: начало семестра. У кого-то старые «хвосты», и ему не до новых занятий. Кто-то не нагулялся, каникул не хватило (какие-то вшивые две недели. Не то, что летом). Кто-то никак не доедет из дома: заносы, лавины, цунами, землетрясения, эпидемии, захват заложников и проч. – обычные дела в этот период времени.

В первом ряду две девицы едят меня глазами. Одна рыжая и толстая. Другая потемнее и потоньше. За версту видно: отличницы, тянут на «красные» дипломы. Значит, правдами и неправдами будут высиживать «пятёрки».

Остальным, слава богу, на оценки наплевать. Особенно вот этому, высокому и кудрявому, в замшевой куртке. Ему, кажется, и стипендия не так уж нужна. Он и здесь-то появился сегодня, скорее всего, просто из любопытства или из-за того, что какое-нибудь интересное мероприятие сорвалось. Я угадала, товарищ... э-э-э, посмотрим по журналу... Вот. Угадала, товарищ Духовицкий? По глазам вижу, что угадала. И ещё... Эй, Духовицкий. Духовицкий! В матери я вам может быть и не гожусь, но в очень старшие сёстры... Я понимаю, вы здесь поопытней остальных. И поразвязней. Но тем не менее...

Духовицкий вытаскивает свой храбрый взгляд из-под преподавательского стола и начинает шарить им у меня за пазухой. Чёрт с тобой, шарь! Там как раз не лучшее из того, что у меня есть.

С этим он соглашается и демонстративно тянет носом воздух.

«Париж?»

Париж, Париж. Подарок Марселя... Какого? Ты его всё равно не знаешь, да и не твоё это дело.

– Получите задание на курсовую работу.

– А можно, я получу ещё и за Коровина?

У него густой насыщенный бас. Он заполняет всю аудиторию, вибрирует в каждой клетке и через щели вываливается на улицу и в коридор.

– Да заодно и за Сероватова, за Исавнина, Прихожского. И за Сагайдачную.

А вот это ты зря. Я ещё не знаю, что это за Сагайдачная, но думаю, что теперь защитить у меня работу ей будет не так-то просто.

– Это жена Сероватова, – улыбается он, и залетевшая было тень мигом снимается и выпархивает из моей души, порождая чувство облегчения. Оказывается, я настолько не люблю строить людям козни? Ай, да я!

Фыркает входная дверь, и за ней обнаруживается смазливая физиономия лаборантки Леры.

– Любовь Сергеевна, вас к телефону.

От стола до двери всего пять шагов, но этот казанова успевает мысленно пошлёпать меня по заду.

– Какая вы сегодня... – восхищённо говорит Лерочка и уже не находит слов «для дальше»

В преподавательской по случаю субботы никого нет (Лерочка, разумеется, не в счёт), и можно во время разговора откровенно смотреться в общественное зеркало. Всё, что оно отражает сейчас, действительно, стоит того, чтобы на него полюбоваться.

– У тебя удачный день? – интересуются на другом конце провода.

Ага! Тоже заметил моё настроение.

– Так сегодня же суббота, – игриво отвечаю ему, давая повод подумать, что я имею в виду предстоящую встречу. Пусть думает! Мне не жалко.

– Значит, как всегда? – расплывается он в невидимой мне улыбке.

– Ничего подобного. Как в последний раз!

Эта фраза давно превратилась у нас в клише.

– О кей! – воодушевлённо отвечает он. – Буду как часы. Целую.

– Ага, – отвечаю я, кладу трубку и мысленно проникаю в его внутренний мир.

Знакомые фразы, знакомая квартира, знакомые тапочки. «Как всегда»!.. Интересно: на кой чёрт заводить любовницу, если так ценишь однообразие?

– Любовь Сергеевна, вы уже поговорили? Оцените.

Лерочка задирает тяжёлую юбку-макси, обнажая ослепительно белый пупок.

– Италия! – комментирует она как ни в чём не бывало. – Двоюродный брат прислал из Москвы.

– Рейтузы? – от нечего делать разыгрываю я девственную неосведомлённость.

– Дольчики! – произносит она с интонацией миссионера, впервые открывающего таинство звучания имени Божьего туземцам Сэндвичевых островов.. И, войдя в роль, начинает исполнять передо мной ритуальный танец: «две шага налево, две шага направо». И опять, и снова.

Есть несомненная грация в этом движении острых коленок, особенно если они на добрый десяток лет моложе ваших. Хотя... Справедливости ради надо сказать, что таких у меня не было и десять лет назад.

– Ваш размер тоже имеется, – продолжая фланировать, объявляет Лера. – Берёте?

– Ну, что вы, Лерочка. Боже упаси!

Она раздражённо одёргивает юбку, усаживается за свой стол и, шурша копиркой, говорит как бы между прочим:

– Вот чем мы отличаемся от заграницы, так это стариками. Посмотришь на толпу интуристов. Кто там одет во всё самое яркое и пёстрое? Именно старики и старухи. А у нас! Оденутся во всё самое чёрное, серое, самое охлобудистое – и – шырр, пырр, – шныряют везде как крысы, всё бегают чего-то, вынюхивают. Ещё и всем указывают! Смотреть противно. Правда ведь, Любовь Сергеевна?

«Старухи»? Ах ты, паршивка!

Сажусь за стол, извлекаю на свет божий толстенную пачку схем и таблиц и, стряхнув с неё пыль, говорю самым ласковым голосом, на какой только способна:

– Лерочка, миленькая, подойдите, пожалуйста, на секундочку.

Она подлетает как на крылышках, вполне довольная собой.

– Вот эти схемы и таблицы надо превратить в демонстрационный материал, то есть вычертить в крупном масштабе на больших листах и прикрепить к реечкам – вон к тем, что давно о уже стоят за шкафом.

– Хорошо, Любовь Сергеевна, будет сделано. К какому сроку? – с готовностью принимает она пачку.

– Всё это должно быть у меня в понедельник, к 8 часам утра, – говорю я с кроткой улыбкой.

Триумфаторское настроение молодой нахалки мгновенно сменяется на жалко-плаксивое.

– Но, Любо-овь Серге-евна... – тянет она, – сегодня же суббо-ота.

– Насколько я знаю, рабочий день у лаборантов до 6 вечера, и в субботу – тоже. А если не успеете – задержитесь, а эти часы отгуляете позже, в другие дни.

Обычно я просто пускала этот материал по рядам во время занятий и всё не могла решить, стоит ли изготовить по нему плакаты. И только теперь вдруг поняла, что ещё как стоит.

Дверь открывается, и в неё просовывается студенческая мордочка.

– Мы уже закончили переписывать исходные данные. Можно нам идти?

– Куда это идти? А другие занятия?

– А других у нас сегодня нет. Ваша пара – последняя.

– Ну, хорошо. Только не топчите как стадо бизонов: не мешайте заниматься тем, кто ещё не закончил.

Дверь радостно хлопывается, и через несколько секунд в коридоре раздаётся нарастающий гул, напоминающий возвращение с удачной охоты ватаги неандертальцев или шум приближающегося камнепада, или то и другое вместе.

Дождавшись, когда всё это промчится мимо и удалится на сравнительно безопасное расстояние, поднимаюсь и, пожелав Лерочке удачных выходных (она что-то пищит в ответ едва заметным голосом), возвращаюсь, чтобы забрать журнал и закрыть аудиторию, где меня ожидает сюрприз в виде статной фигуры, застывшей у стенда с исходными данными.

– Извините, что я вас задерживаю, – говорит фигура своим всепроникающим басом. – Приходится переписывать за несколько человек.

– Ну, что вы! Какие извинения. Занятие ещё не закончилось, так что продолжайте спокойно.

По-учительски сухо простучав каблуками, сажусь за свой стол и, делая вид, что изучаю журнал, украдкой наблюдаю, как волнуются мускулы на гибкой спине, обтянутой тонкой замшей.

– И всё-таки мне неудобно, что не даю вам уйти. Всё ж сегодня суббота, конец недели, – продолжает басить замшевая спина, с каждым звуком порождая всё новые мириады мурашек, которые впиваются в мои подошвы где-то между пятками и педикюром и, пробежав по всему телу как пузырьки в откупоренной бутылке нарзана, затухают аж за ушами, у самых корней волос.

– Работайте... работайте! – говорю я как можно строже, и в середине этой непритязательной фразы голос вдруг срывается, так что приходится прочистить горло.

Он заканчивает писать и, укладывая принадлежности в «дипломат», радостно говорит:

– Я придумал, как компенсировать вам потраченное на меня время. Я вас подвезу! Годится?

И, повернув своё широко улыбающееся лицо, неожиданно видит, как с преподавательского стула навстречу ему поднимается уже какая-то дама-загадка. Дама-себе-на-уме красноречиво направляется к выходу, всем своим видом предлагая ему следовать тем же маршрутом.

– Так вы согласны? – лихорадочно слизывает он последние крохи надежды.

И получает заслуженный ответ:

– Мне в другую сторону.

Зимняя улица поёт. Кажется, впервые в этом году февраль демонстрирует голубизну неба, золото солнца и свежий, заливающий лёгкие, воздух. Хотя, конечно, воздух-то можно было бы попробовать и почаще – если, выйдя из корпуса, не ломиться вылупив глаза в переполненный автобус, чтобы как можно скорее сменить бензиновую вонь автомагистрали на запах табачно-водочного перегара. Стоит пройти лишний квартал и свернуть в неприметный переулок, чтобы оказаться среди сугробов ослепительно белого снега, который на больших улицах к этому времени либо давно убран, либо перепачкан так, что практически не отличается по виду от плохо вымытого асфальта. Здесь вас встретят окна небольших уютных домиков с выкрашенными в яркие цвета ставнями и сладкий воздух свободы с лёгкой примесью кухонного дымка. Из подворотен вас скорее всего облаят поочередно несколько собак, добросовестно отработывающих хозяйский хлеб. А если день, как сегодня, выходной, то можно услышать и людей – например, двух-трёх мужиков с фанерными лопатами, неторопливо, по-свойски переговаривающихся между собой, находясь при этом в доброй сотне метров друг от друга.

– Размяться решил?

– А?

– Говорю: снежок вышел покида-ать?!

– Да-а-а, надо вот почистить, а то участковому ходи-ить негде!

Эти улицы, которых в городе остаётся всё меньше, предназначены для людей, а не для машин. Машины это чувствуют и не больно-то любят сюда сворачивать.

Улица поёт. Поёт мне птичьими голосами, писком открываемых и закрываемых калиток, скрипом снега под подошвами сапог. Поёт о том, что сегодня суббота, что занятия закончены пораньше, и до прихода Николая ещё почти целых три часа. Три часа полной свободы от всего и вся! Сейчас я не спеша пройду всю эту улицу, упиваясь её ароматом и тишиной. Затем сверну на бульвар, зайду в кафе «Лакомка» и буду, может быть, целый час наслаждаться кофе с пирожными. Кофе будет со сливками, в огромной белоснежной чашке с золотыми листиками по ободку. Терпеть не могу эту смоляную горечь, которую с умным видом тянет в перерывах из «напёрстков» наша утончённая профессура!

– Ой, простите: эклер у нас остался один – тот, что на витрине. Если вы подождёте минут пятнадцать, то вынесут свежие.

– А что можно взять взамен?

– У нас хорошие безе...

– Замечательно. Два безе.

Думаю, на пятнадцать минут мне их хватит.

Через витринное стекло видно, как снуют туда-сюда разноцветные автомобили. Интересно, какая машина у него? Надо было хотя бы посмотреть...

– Ох, извини, дорогой: у меня такой беспорядок. Ничего не успеваю! Какой-то студент занудный пошёл: все звонки уже прозвенели, а их всё никак не вытолкаешь из аудитории. И это в начале семестра! Представляешь? Что же будет в конце? Они заставят меня там ночевать. Просто какая-то сенсация: патологическая тяга к знаниям! Насилу вырвалась.

Он всегда выбрит до глянца и пахнет первоклассным парфюмом. Одним и тем же парфюмом! Стоило мне как-то случайно похвалить эту марку... Господи, когда же это было?

– Не беда, девочка. Не забывай, что у тебя есть я

Николай снимает пиджак и, ослабив галстук, закатывает рукава рубахи. Его фигура изображает горделивое сознание собственной необходимости.

– Ой, мне так неудобно загружать тебя... – лицемерно пишу я, одновременно соображая, что бы такое посложнее ему поручить

– Неудобно спать на потолке, – отвечает он мне дурацкой шуткой. – Располагай мною как угодно и всяко.

Странно, что он говорит задорным, почти юношеским тенорком. При его комплекции следовало бы ожидать хорошего, раскатистого баса. Странно... Странно, что я вдруг подумала об этом. Странно, что подумала впервые за всё время нашего знакомства. Странно, что он сейчас глядит на меня каким-то выжидательным взглядом... Ах, да!

– Что ж, если ты так настаиваешь, то выбирай: уборка в квартире или приготовление ужина.

– У... – начал было он.

– Я так и знала, дорогой, что ты захочешь угостить меня ужином!

С размаху вешаюсь ему на шею, внезапно вспомнив, что приготовление ужина наверняка потребует незапланированного похода в магазин, а до зарплаты остались считанные дни, со всеми вытекающими.

Тарахчу как заводная:

– Я сто лет не ела из твоих замечательных рук. У тебя всё так чудесно получается! Не то, что у меня: то подгорит, то недосолится, то сбежит куда-нибудь. Вообще: самые лучшие повара в мире – это мужчины. Особенно любимые мужчины!

Он вырастает до потолка.

– И что же вам приготовить, мадам?

– Отдаюсь в твои руки, о мой повелитель! Приму как величайшую милость всё, что ты с присущей тебе мудростью сочтёшь возможным предложить мне, и покорно разделю с тобой всю сладость твоего творения. Как бы ни называлось это творение, я заранее знаю, что оно будет непревзойдённым. Умоляю: покажи мне своё великое искусство, слава о котором разнесится по всему королевству и далеко за его пределами! Скорее вступай во владение всем, что ты найдёшь в этом царстве Эпикура, и да сбудутся твои и мои самые дерзновенные мечты и удовлетворятся самые заветные желания.

Интересно: что такого сумеет он найти там, в моём царстве?

Сквозь завывания пылесоса слышу, как хлопнула входная дверь. Значит, кое-чего всё-таки не нашёл.

За окном уже темнота, и фонари вместе с окнами соседних домов плавают в ней как осколки солнца. А до одиннадцати ещё целых четыре часа! Пусть часа полтора займёт вместе с приготовлением романтический ужин (не собирается же он кормить меня яичницей!) Затем светская беседа под сигарету и... чего он там принесёт. Не меньше часа, уж об этом я позабочусь. Итого два с половиной часа. Потом ванна. Если разбаловаться и обнаглеть, то можно издержать минут сорок-сорок пять. Ну, уж как минимум, полчаса. Значит, как ни крути, а от ванны до того момента, когда он с трагическим видом будет в прихожей целовать мою физиономию перед тем, как мышью выскользнуть за дверь, остаётся не меньше часа. «И никуда, никуда нам не деться от этого!» – как поётся в одной популярной песне.

А в студенческом отряде проводников, бывало, свободно укладывались в пять минут. Правда, романтического ужина там как правило не устраивали. Да и ванна отсутствовала. А светская беседа, если и случалась, то протекала параллельно. Даже если под сигарету...

Входная дверь хлопает снова. Время пошло.

Воскресным утром никогда не бывает темно – хоть зимой, хоть летом. За это его и люблю.

Сладко потянувшись, Любовь Сергеевна встаёт, выпрастывает из подмышек просторную рубаху, которая ночью как всегда украдкой туда забилась, и идёт готовить мне кофе. По пути, однако, заходит туда, куда приличные дамы вообще никогда не заходят. Полистав там большой глянцевоый номер журнала «Америка» трёхлетней давности и несколько минут порадовавшись за улыбчивых людей, раскатывающих на шикарных автомобилях по великолепным автострадам, она под звуки маленькой домашней Ниагары проходит на кухню, где колдует над песчаной баней, размышляя, пригласить меня сюда или оказать уважение, принеся кофе в постель. В конце концов любовь ко мне перебарывает, и я с благодарностью пью ароматный напиток, нежась в постели. За такое отношение ко мне я прощаю ей всё: и растрёпанность, и ненакрашенность, и даже неумытость. От этого она наглет и вместо мытья вчерашней посуды хватается за библиотечный номер «Юности», с которым проводит время в постели до тех пор, пока чувство долга перед желудком не заставляет её что-нибудь приготовить на скорую руку и после этого всё-таки вымыть посуду, чтобы не подавать дурной пример отпрыску, ожидающемуся уже с минуты на минуту.

Отпрыск приходит с сумкой, полной пирогов, баночек с вареньем и других не менее интересных вещей, противопоставить которым мне решительно нечего.

– Привет. Как бабуля?

– Привет. Нормально. Сказала, чтобы на неделе ты обязательно зашла.

– У неё что-то важное?

Бабах-х-х!!!

Нет, когда-нибудь я убью его этой самой дверью.

На минутку открываю окно, и в комнату врывается морозный воздух вместе с воинственными криками и щёлканьем хоккейных клюшек. Интересно: если бы у меня была дочь, где бы она была сейчас? Вот тут, у стола, кроила бы распашонки для любимых машинок и мишек... Щас! Носилась бы во-он с той сворой, обледенелая, как котях, изредка заскакивая домой, чтобы кое-как успеть добежать до туалета.

Затворяю окно и, жуя мамин пирожок, вспоминаю, как отец (царствие ему небесное!) прежде, чем пустить в дом, обметал меня в сенях с головы до ног чилижным веником. И как хорошо было потом, в трусиках и майке, забраться на тёплую печку и, вдыхая неповторимый запах овчины, вслушиваться во всякие потрескивания и попискивания, издаваемые натопленным домом, и неясный, но такой родной и надёжный рокот родительских голосов из соседней комнаты...

Лихорадочно хватаюсь за сигарету, но закашливаюсь, так и не успев прикурить.

– Ой ты, гости-то какие! А я-то уж думала, так до смерти и не увижу!

Мама отставляет фанерную лопату и прижимается ко мне морозной щекой.

– Что за разговоры такие: «до смерти»? Кто это тут помирать собрался?

– Да не ходишь совсем к матери. Поди, дорогу уже забыла.

Была у неё три дня назад.

– Да уж, забудешь ваши буераки! Все каблукки посшибала, пока добралась.

– Ишь ты, «ваши». Такие же, как ваши! – весело обижается она.

Вместо печки давным-давно стоит компактный газовый котёл. Но запахи тёплой овчины до сих пор бродят по дому, изредка попадая в ноздри, так что нет-нет, да и вышибает слезу.

– А чего это с лопатой? Нельзя было вчера Мишку заставить снег почистить?

Мама убирает со стола ошибочно схваченную мной отцовскую ложку и кладёт вместо неё другую.

– Нечего! У ребёнка в неделе один выходной, пусть поиграет. Да и мне полезно подвигаться.

Впитываю вкус маминых щей, который узнаешь в любое время дня и ночи, даже спронея и с завязанными глазами. А я вот никогда не смогу сварить такие для моего обормота. Не всё передаётся по наследству. Обидно...

– И чем же он тут, у тебя, занимался?

– Да всё с Малягиными с кручи на санках катались. Уж темно было, как прибежал. А на другой день чуть свет поднялся – и опять. Не надоест ведь!

Малягины – это племянники Саши. Того самого.

– А на днях сама Людмила приходила, – продолжала мама. – Хвалилась, фотографии показывала. Саша-то у неё уже капитан какого-то там ранга. Красавец! И жену его показывала. Так себе девка, худенькая. Перевели его, и живут они теперь в Севастополе. У тёплого моря.

Она украдкой вздохнула.

Я молча наворачиваю мамины щи. «У тёплого моря»... Никакое оно не тёплое. Щипачий ветер мотает по камням редкий снег пополам с пылью, периодически хлещет всем этим делом по щекам. И это на фоне студёной воды, из которой торчат разные обледенелые железяки. Бр-р!

– Твой-то бывший появляется? – ни с того ни с сего спрашивает она.

Я чуть не роняю ложку.

– Это ещё зачем?

– Ну, сына повидать. Вон уже какой вымахал!

А ведь и правда: Мишка-то и его сын тоже. Странно, что мне это никогда не приходило в голову.

– Хоть платит-то аккуратно?

– Аккуратно, – отвечаю я и привычно отгораживаюсь приспущенным веком.

Но маме привычно на это наплевать.

– А Николай-то твой Васильевич когда наконец решится? Уж сколько встречаетесь, – гнёт она свою линию.

– Ты же знаешь: у него дочь школу заканчивает. Ждёт, когда ей восемнадцать исполнится, чтобы алименты не платить.

– И то правда, – вздыхает мама.

Никакая это не правда. Это легенда для мамы. Без неё она назвала бы наши отношения с Николаем так, как их, в общем-то, и следует называть. И это было бы ещё полбеды. Другая половина беды – это что она обязательно перестала бы брать к себе по субботам Мишку, а чтобы повидаться с ним, стала бы регулярно наезжать к нам сама. И к отсутствию личной жизни добавилось бы ещё и отсутствие территории для неё.

– Ну, а на работе что? Как там твои студенты?

Не припомню, чтобы когда-нибудь раньше её волновала эта тема.

– Студенты как студенты. Как не хотели учиться, так и не хотят. Девушки заняты только внешним видом и стрельбой глазами. Так и зыркают: туда-сюда, туда-сюда. Аж противно!

– А парни?

– Парни...

Неопределённо пожимаю плечами. Мама отворачивается к мойке и гремит посудой, не переставая при этом видеть меня насквозь.

Сонмище мурашек врывается в неплотно закрытую дверь преподавательской, наполняя всё моё существо нестерпимым зудом. Влекомая им, срываюсь с места и выскакиваю в коридор, с противоположного берега которого радостно басит замшевая куртка:

– Здравствуйте, Любовь Сергеевна!

– Здра-авствуйте! – пицат следом за ней фальцеты, которыми эта куртка облеплена.

Из-под приспущенного века голос, похожий на мой, произносит:

– Будьте любезны не шуметь или отойдите подальше от преподавательской.

Куртка с шутливой важностью прикладывает палец к губам, и фальцеты мгновенно переходят на шёпот:

– Ну, а дальше, дальше-то что было?

– Блин! Ну, не тяни же!

– Сейчас уже звонок будет!

Хочется узнать, что там было дальше того, о чём я не слышала, но в это мгновение раздаётся приближающийся топот, по которому у нас обычно узнают Азимова. Распахнув дверь в преподавательскую, он делает широкий приглашающий жест.

– Любовь Сергеевна!

Но я не слышу, поскольку вся поглощена изучением расписания консультаций.

– Любовь Сергеевна-а! Вы позволите нам начать заседание кафедры? – говорит он громче, не брезгуя прибегнуть к банальному начальственному юмору.

– Ах, простите, Рушан Гарифович! Вы так неожиданно... А я тут корректирую расписание... А что, уже время?

На моих крохотных, подаренных ещё к 18-летию папой золотых, до начала заседания аж целых семь минут. Но всем давно известно, что азимовское самолюбие, бывает, весит и побольше. Поэтому я, не вступая в дискуссии, смиренно волокусь в помещение и усаживаюсь на насиженное место.

– Что, там Дима снова девочек развлекает? – шепчет Ирина Лозовая, соседка по парте.

– Дима?! – удивлённо шепчу ей в ответ. – Какой Дима?

Значит, его зовут Дима. Дмитрий. Звучит неплохо. Хотя я почему-то думала, что Денис (инициалы в журнале: «Д.Е.»)

Она делает круглые глаза и отвечает свистящим шёпотом, пропитанным смесью «Эллипса» с «Явой» (белый фильтр):

– Ну, там, в коридоре, Дима Духовицкий!

Небрежно, из-под века:

– Духо... Как?

Демонстративно бросаю опасливый взгляд на Азимова, который сидит на председательском месте, уткнувшись в бумаги. На Ирину мой взгляд не производит никакого впечатления, и она свистит ещё отчётливее:

– Духо-виц-кий! В замшевой куртке, здоровый такой, с шевелюрой, красавец парень.

«Красавец»? Ах ты, сучка. Мы ведь тебе уж лет семь, как сороковник справили. А ты тоже туда же!

Жму плечами.

– Не понимаю, о ком ты. Не заметила.

– А его группа разве не у тебя?

– Может быть, и у меня, но пока никаких таких красавцев не было.

– Так имей в виду, что этот красавец – не просто красавец, а племянник Шувалова.

– О!

То, что выглядит как возглас восхищения, на самом деле – вопль горького разочарования. Племянник проректора по науке! Для меня это означает, что шансы на хотя бы какое-то сближение упали до нуля. Шашни с родственниками начальства? Нет уж, увольте.

Какая жалость!

– И ещё: он сын Духовицкого.

– А кто это такой?

– Да ты что! Это же начальник ОблГАИ. У тебя что, машины нет?

Ведь прекрасно знает, что нет!

– В моём возрасте ещё мало у кого есть. Вот доживу, что ноги перестанут ходить, – тогда и заведу.

Не далее, как прошлой весной, подменяла её, когда она была на больничном по артриту.

– Внимание! – поднял руку Азимов. – Идёт уже вторая неделя весеннего семестра, а у многих ещё нет не только откорректированных планов, но и отчётов за прошлый семестр. Вот: Бубенцова, Гаврилов, Лозовая...

Он зачитал фамилии и стал склонять их к выполнению служебного долга.

Институтская касса – самое нестабильное место на земле. В течение дня она может напоминать то птичий базар, то зал ожидания поездов, то милицейскую «дежурку», то комнату смеха. Когда пробегаешь мимо неё множество раз, спеша по неотложным делам, она похожа на заброшенный архив, где девушка, сидящая за перегородкой, демонстративно томится от одиночества. А когда – в кои-то веки! – направляешься туда в надежде получить что-нибудь полезное, она встречает тебя с гостеприимством вокзального буфета. Ты проявляешь чудеса выдержки и находчивости, правдами и неправдами добираешься до заветного окошка – и обнаруживаешь в нём сюрприз в виде платёжной ведомости, в которой напротив твоей фамилии начерканы какие-нибудь дурацкие слова вроде «обр. к руководителю» или ещё более гадкое в своей конкретности: «не выплачивать». Такое поведение нервирует, портит характер и заставляет совершать неприятные действия.

Со мной это происходило в самом худшем варианте. Дошло до того, что каждый раз перед тем, как отправиться на штурм, я стала добровольно «обр. к руководителю».

– Здравствуй, Рушан Гарифович! Я могу пойти и получить хоздоговорные?

Рушан Гарифович стоит на стремянке и роется на верхних полках в поисках очередной жизненно необходимой бумажки. За все годы работы здесь мне ни разу не удалось в кабинете застать его за каким-нибудь иным занятием.

– О! Бубенцова. Хорошо, что ты зашла.

По моим наблюдениям, такая фраза как раз хорошего-то ничего и не обещает.

– Беги в канцелярию, – продолжает он, не собираясь разочаровывать меня и на этот раз. – Там тебе командировка. Наверно, уже оформили.

– Командировка? Куда это?

Его слегка зауженные глаза округляются до почти нормальных.

– Что значит «куда»? В Нефтекупино, разумеется. Ты сколько месяцев по этому договору деньги получаешь? Пора, наконец, что-нибудь уже и сделать.

Попрекать даму куском хлеба? Ах, поганец!

Но «поганец» стоит на недосыгаемой во всех смыслах высоте, и приходится проглатывать всё, что он с неё сюда скидывает.

Видимо, эти мысли и соответствующее им кроткое выражение, в которое я успела обернуть свою физиономию, несколько смягчили шефа, и он счёл уместным объясниться.

– Я только что от Шувалова, – произнёс он, не сходя со стремянки. – Обещает утопить в унитазе, если к марту не представим ему черновик отчёта. И я ему верю. Ну, допустим, «к марту» означает у нас «к концу марта». Но если мы будем так продолжать, то и к маю ничего не будет.

– Неужели прямо в унитазе?

Я уже внутренне смирилась с предстоящей поездкой.

– Она ещё сомневается! Осенью он пообещал Куровлянского закатать в асфальт.

– И что?

– А вот, как снег сойдёт, можешь сама осмотреть асфальт у главного корпуса. Прямо у входа, справа. Так что все сомнения долой! Ноги в руки – и оформляться. Кстати, там Лозовая сидит. Пока она не убежала, подпиши у неё замену занятий. И ещё. Туда же кто-то едет от Эпштейна. Можешь сходить к нему, узнать, кто едет, и скооперироваться. Веселее будет!

Я уже дёрнулась исполнять, когда он вдруг спросил.

– А этот... Родственник Шувалова, он у тебя, что ли, в группе?

Эх, Азимов, Азимов. Проницательный ты мужик, но далеко тебе до моей мамочки.

– Ну, вы там того... Смотрите.

Смотрю, Рушан Гарифович. Ох, как смотрю!

Завидую людям, которые ни при каких обстоятельствах не пойдут на то, чтобы просто так взять ручку и расписаться. Потому что они внушают к себе уважение. Не то, что мы, растрёпы, способные ставить свои «крючки» на бегу, используя в качестве опоры всё, что хотите: подоконники, уголки столов, заваленных всяким хламом, капоты автомобилей, портфели с подставленными под них коленками или, наконец, даже просто коленки, без всяких портфелей.

Внимательно осмотрев положенный перед ней на стол лист замены занятий, Ирина Юрьевна Лозовая, доцент, медленно открывает сумочку, из которой извлекаются поочередно платочек, зеркальце, щёточка и футляр с очками. Обмахнув щёточкой зеркальце, она смотрится в него. Уголком платка проводит под правым глазом. Слегка подумав, проводит и под левым. После этого вынимает из футляра очки и, подышав на них, тщательно протирает тем же платочком. Установив подготовленные таким образом к работе очки в проектное положение, она поочередно укладывает в сумочку платочек, зеркальце и щёточку и начинает изучать лист замены, взяв его уже в руки.

– А вот в будущий четверг... Как бы не получилось у меня там накладки, – обеспокоенно хмурится она и снова лезет в сумочку, из которой являются на свет зеркальце, платочек, щёточка, зажигалка, пачка «Явы» (белый фильтр) и распухший от дел еженедельник. Листает, периодически выкладывая на стол разнокалиберные бумажечки с записями кулинарных рецептов, рисунками фасонов платья и прочими важнейшими вещами, и неожиданно спохватывается:

– Ой, совсем забыла: ведь по этому семестру я сюда ещё не переписывала. Лерочка! Лерочка. Будьте добры, поднесите мне расписание.

Лерочка мгновенно простукивает каблучками туда и обратно.

– Что это такое? Я тут не вижу... Лерочка! А по вечернему отделению? Вот так... Хорошо. Ага, в четверг ничего нет. Это в прошлом семестре было. Надо же, а у меня до сих пор в памяти торчит!

Она начинает переписывать расписание в еженедельник, но минут через восемь спохватывается:

– Ой, надо же тебя отпустить! Потом допишу.

Освобождает лист замены из-под образовавшейся кучи вещей и снова изучает его с первозданным любопытством.

– Ого! Суббота? Сейчас, минуточку.

Она подбегает к телефону и поспешно набирает что-то там, на диске.

– Тридцать первый? Будьте добры, Марью Федотовну. Это срочно. Девушка, я из прокуратуры звоню! Ну, вот так.

– Алло, Машка? Привет, это Ирка. Нет, не Ращупкина! Ну, наконец-то, узнала! Машка, ты извини: болтать времени нет... А? Те, белье? Нет, они мне малы оказались. Ты погоди. Я чего звоню: у нас там, в субботу, во сколько мероприятие? Что? Не в эту? А-а-а, а я думала, в эту.

А то мне тут занятия подменять, одна наша сотрудница в командировку уезжает. Да. И попадает как раз на эту субботу. Что? Ну, как же. Это у вас там, если кто уезжает, то весь участок встаёт. А у нас занятия – святое дело. Хоть помирай. Ага. Ну, пока. Хорошо, что ты мне напомнила, что не в эту субботу. А то бы я, как дура, притащилась! Во, смеху было бы. Ну, ладно. Пока. До встречи!

Закончив разговор, она поочерёдно убирает в сумочку еженедельник, пачку «Явы», зажигалку и всё остальное. Берёт перекидной календарь и расписывает на нём шариковую ручку. И лишь после всех этих манипуляций на моём листе появляется заветная загогулина.

Выйдя в коридор, попадаю в поток студентов, который выносит меня из корпуса. Конец занятий! Ура.

Так вот какая у него машина. Малиновая «девятка». Неплохо. Во всяком случае, ему идёт. Увидел! Надо же. А я вот тебя совсем не вижу. Не повернуть бы случайно голову... Ну, не ешь меня глазами, мальчик! Это же невозможно... В ближайшие две недели вместо меня будешь созерцать Ирину Юрьевну. Дай бог нам обоим опомниться за это время.

– А «Макароныча» уже нет. И сегодня не будет.

Лидия Петровна, секретарь Эпштейна, весело вскинула на меня свои слегка раскосые глаза. Вечная Лидия! Наверняка помнит, как мы, ещё студентами, толпились тут, пытаюсь «на халяву» получить зачёт.

Улыбаюсь ей в ответ как старая знакомая.

– Да, может быть, мы решим и без Марка Ароновича. Мне просто хотелось бы узнать, кто от вас едет в Нефтекупино.

– Конечно, решим! Это я еду, – раздаётся за моей спиной бодрый голос и, обернувшись на него, я вижу расплывшуюся в улыбке физиономию однокурсника Лёшки Стадника.

– Стадник! – обрадованно восклицаю я, на мгновение даже позабыв про своё левое веко. – Ты здесь какими судьбами?

– Что значит, «какими судьбами»? Я здесь работаю. Уже целую неделю!

Ловлю себя на том, что обнимаю его слегка раздавшуюся фигуру. Ах, Стадник! Если бы ты знал, как кстати ты мне сейчас.

За немытым стеклом ранние зимние сумерки, перед ним – четыре отполированные временем полки. Входная дверь отъезжает со стуками и стонами, и в купе вваливается пожилая пара. Ох, успели. Здравствуйте, молодые люди. Будьте добры, помогите поднять наверх эти чемоданы. Спасибо. Молодой человек, не уступите ли нам нижнюю полку? Что? У вас и так верхняя? Как жаль...

– Я вам уступаю свою, – говорю я как можно спокойнее.

– Ой, что вы! – машет руками «сам». – Я ещё могу вскарабкаться. Не такой уж я старый. Правда, мать?

– Об этом не может быть и речи, – отчеканиваю я из-под приспущенного века, и всё вокруг умолкает на мгновение, после чего тишина взрывается возгласами благодарности.

Не надо благодарности. Ещё неизвестно, кто кого должен благодарить.

– Пойдём, покурим, – предлагаю я, и Стадника это не коробит. Хорошее начало.

– Конечно, я мог после армии сразу ехать домой, – продолжает он начатый ещё в купе разговор. – Да соблазнила романтика. Этот вербовщик так всё расписывал: тайга, Енисей, рыбалка и всё такое. Вот я и клюнул. Сначала мне понравилось. А потом...

Он всё время говорит «я», «мне», хотя на безымянном поблескивает кольцо. Это мне тоже нравится. Но слишком уж увлечён рассказом. Сейчас мы выкурим ещё по сигарете и уйдём. И ничего не будет...

Я беру быка за рога.

– А я тогда смотрела-смотрела на тебя, и мне ужасно хотелось вот так подойти и поцеловать...

Где, когда смотрела, и было ли это вообще, – я не помню. Но ему не до уточнений, поскольку вслед за словами я немедленно демонстрирую, как именно хотела это сделать. Несколько секунд он отвечает, потом заставляет отвечать меня. В тамбуре темно, и глаза мои закрыты, но я прекрасно вижу, что он не имеет ничего против того, чтобы целовать курящую женщину.

Соседи уже спят – во всяком случае, тихо лежат на своих полках. Мы проскальзываем на свои и лежим, взявшись за руки. Станционные фонари скачут по купе, освещая то меня, то его. То меня, то его. Потом они уходят, остаются вдаль, потом совсем исчезают. И я почти не вижу его, потому что стекло ночника такое же невымытое, как и окно. Потом глаза привыкают, и становится видно как днём. Интересно: смогут ли разместиться на одной полке двое, которые уже совсем не юноша и девушка? Если ему перебраться ко мне, то это может случайно увидеть «сам». А если мне к нему, то «мать». Это было бы более приемлемо. Но почему он не зовёт меня? Не решается? Нет. Скорее, опасается, что я не решусь. Глупые-глупые мужики. Почему вы всегда так боитесь неудач?

Поезд дёргает и, чтобы не свалиться, я упираюсь в край его полки рукой и ногой. Тут до него, наконец, кое-что доходит. И выясняется, что мы не так уж и пополнили за эти годы.

За окном белым-бело. Стадник лежит на боку и, улыбаясь, смотрит на меня. Сколько же лет мне не было так, как сегодня? Ой, много. Возможно, что даже не было вообще. Ты молодец, Стадник. Собственно, я всегда об этом догадывалась.

Пытаюсь вспомнить, как вышло, что мы с ним в студентах даже и не пофлиртовали нисколько. И, к большому сожалению, не могу. Ведь ни разу не поцеловались! Никто не захотел и пальцем пошевелить для счастья.

Старики внизу готовятся завтракать. Они негромко переговариваются какими-то осторожными голосами, усердно не замечая, что мы давно уже не спим, и это не оставляет сомнений в их осведомлённости о событиях прошедшей ночи. Я сладко потягиваюсь всем телом и думаю разом о целой куче вещей: о предстоящей командировке, о крокусах, о стиральном порошке «Перлан» и о том, что мне уже год, как пора извлекать спиральку. Продолжая думать всю эту дребедень, надеваю под одеялом разные вещи и спускаю в пространство между полками свои ступни, обтянутые колготками, синие джинсы, табачный свитер и бесстыжие глаза. Эти глаза смотрят на меня из забрызганного зеркала в вагонном туалете и, кроме лёгкой припухлости век, не находят в том, что они видят, никаких изъянов.

– Я виновата перед тобой, Алёша.

– Чем?

– Тем, что из-за меня в твоей семейной жизни появилась какая-то ложь.

Он делает глубокую затяжку. Он не знает, что сказать на это.

Он не знает, что этим он уже всё сказал

– Стадник, Стадник, где ты был?

– А ты?

А я была замужем за Борюсиком Бубенцовым. Может быть, ты даже помнишь его. А может, и нет. Это неважно. Он всплыл после выпуска, когда вы все куда-то запропастились.

Очень странно, прожив много лет в гуще толпы, вдруг оглянуться и увидеть, что вокруг тебя пустота. Не затишье, а именно пустота. Детский сад, улица, школа с пионерлагерями, спортивными праздниками и металлоломом, институт со стройотрядами, поездками, научными кружками, пикниками, гитарами – всё это прошумело как торговая площадь в базарный день. Базарный день пролетел и закончился. И наступила тишина. Большинство милых знакомых лиц куда-то исчезли. А те, кто не исчез, – всё равно, что исчезли: настолько чужими,

настолько далёкими они стали. И вокруг пустота. Вакуум. Вдруг становится страшно – до дурноты, до истерики. И тогда понимаешь, что раньше ты что-то не знал о себе. Что-то очень важное.

Однажды, когда я только закончила первый класс, перед нашими домами для чего-то сложили большие трубы. Кто-то из наших придумал пролезать сквозь них. Я залезла довольно бодро, но когда проползла несколько метров, и темень обступила меня, стало настолько страшно, что я вдруг поняла, что самой мне отсюда не выбраться. Выход – яркая точка впереди – показался мне недостижимым. Умом я понимала, что труба, в которую я только что влезла, и та, в которой нахожусь сейчас, – одна и та же. А раз так, то нет никаких причин, что помешали бы мне добраться до выхода. Но я не могла сдвинуться с места, потому что всё моё существо сковал страх. Мальчишки стали кричать мне, их голоса в трубе были оглушительно громкими. А у меня не было сил откликнуться, даже шёпотом. Спас меня Юрка Григорьев. Он залез в трубу и начал своей головой весело толкать меня в задницу, приговаривая: «У-шу-шу, у-шу-шу! Щас полж... откушу!» Тогда чувство стыда пересилило страх, и я всё-таки выбралась. А выбравшись, навешала этому Юрке по шее. В младших классах я была крупнее многих мальчишек, и некоторые меня очень даже побаивались. Но что меня больше всего поразило в тот день – так это то, что я и не подозревала, что способна впасть в такую панику, пока не влезла в эту проклятую трубу.

В этой истории как в капле отражается моя жизнь в первое время после диплома. И Борю-сик – ни дать ни взять Юрка Григорьев того периода. Как только он оказался рядом, моя паника мгновенно исчезла. Но радость, связанная с этим, продлилась лишь несколько секунд! В качестве первого свидания он пригласил меня в театр. Поднимаясь ко входу, я неловко шагнула и растянулась на обледенелых ступенях. А он, глядя, как я барахтаюсь среди обтекающей нас публики, пробормотал: «Ну, вот и познакомились». На ноги я встала уже мегерой. Ему доставалось за всё: за невытую обувь, оставленную в прихожей, за привычку съесть после обеда ложку сахарного песка, запивая её водой, за прочитанные газеты, торчащие колом в углу, и просто за то, что он есть, вот такой, и всегда болтается рядом. Да что там газеты! Когда я узнала, что во мне зарождается новая жизнь, я всерьёз задумалась об аборте. Но – слава богу, до этого не дошло. В какой-то момент я поняла, что у меня будет хороший ребёнок. Может быть, я втайне надеялась, что его присутствие поправит наши отношения? Не знаю, не помню. Только с его рождением стало ещё хуже. Всё, что мне было противно, стало ещё противнее. А кроме того, появилось очень много всякого нового, по-новому противного, и это становилось уже невыносимым. И ещё: нас стало двое против одного. Осознав это, я совсем распоясалась. И в очередной раз, когда я не находя себе места металась по комнате, а он лежал на диване, заложив руки за голову, и приговаривал с улыбочкой: «Ну, я зна-аю, Любовь Серге-евна, что в гневе ты прекрасна!» – я уложила Мишку в коляску, побросала туда кое-какие шмотки и убежала от него. Я пробежала с коляской до родительского дома – почти через весь город, что называется, на одном дыхании. Это тоже было открытием: раньше я не знала, что во мне может быть столько силы и злобы. Когда на следующее утро папа осмотрел коляску, он присвистнул и сказал: «Ты что же, так и шла всю дорогу?» Оказалось, что коляска всё время была на тормозе, а я этого даже не заметила.

Несколько дней я жила у родителей, и они уговаривали меня вернуться к нему. В конце концов я уступила, и мы отправились вместе – так уж они хотели о чём-то с ним поговорить. Входим в квартиру, а там – моё чудо в постели в обнимку с Надькой, нормировщицей с его участка. И судьба моего замужества мгновенно решается.

Скажи: здорово, что в этом Нефтекупино нет настоящей гостиницы. Представляешь, как унижительно было бы шмыгать, словно школьники, друг к другу по коридору, стараясь не попасться на глаза бдительной надзирательнице! А она всё равно постоянно хмурилась бы

на нас, ничего не видя, но зная наверняка, что мы – злостные нарушители. Ведь мы были бы злостными нарушителями, правда?

Ой, Стадник, как ты очаровательно улыбаешься. Хочешь чего-нибудь выпить? Там, в холодильнике, есть «Фанта». По глоточку? Ой, как...

– Ой, как вкусненько!

Рыхлый свежий снег, и я качусь по нему на лыжах. А склон всё круче. Всё больше захватывает дух. Наконец склон уходит обрывом вниз, и я лечу. Верхушки сосен подо мной как бело-зелёные облака. Колючие горячие льдинки касаются моих щёк. Подбородка. Шеи. Губ... Ах, это ты, дорогой. Который час? До вахтовки ещё целых два часа. Ну, кто же так... Хочешь, я покажу, как? Я знала, что тебе понравится.

Как хорошо здесь кормят! Не то, что у нас в институте. Я так проголодалась – кажется, съела бы всю эту раздатку. Как успехи? О, у меня замечательно. Азимов будет доволен. Думаю, что в унитазе его уже не утопят. В каком унитазе? Да... Как-нибудь позже расскажу. А у тебя? Что? Прямо-таки заявка на изобретение? Да талантливый ты мой! Погоди... Ну, погоди: у тебя воротник замялся. Вот так! Во-от, теперь порядок. Завтра воскресенье. Что делаем? Ты? Меня? Приглашаешь? На рыбалку? Вот это да. Никогда не была на рыбалке, тем более зимой. А мы не замёрзнем?

«Ловись, рыбка, большая и маленькая!»

«Мёрзни, мёрзни, волчий хвост!»

Ой, что с моим хвостом! За сутки не отогреть. А ты ничего не путаешь: это можно есть? Кстати, кошки здесь, кажется, нет... Ну, чего ты! Больно же...

И совсем не больно.

Если бы это был наш дом, я первым делом поменяла бы тут обои. А ты? Что? Ты хочешь завтра же опробовать свою идею? Прямо на производстве? Ах ты, мой головастик! А позволят?... А я тебе помогу. Я читала: если сразу двое попросят... Ну, Его... Ну, Бога! Так вот, если сразу двое – то всё сбудется. Нет, не так. Они должны при этом... Ну, это... Ну, какой же ты!.. Ну, конечно! Да Да! Да, дорогой! Ой, здо... Ой, хорошо. Ой, как здорово!..

Ты не забыл при этом просить Его? Ну, чтобы сбылось. Что? И так сбудется? И то правда.

Ну, и как твои испытания? Что: нет? Боже, целый день без тебя – и всё зря! Как? Обещают в среду? Ну, умница. Иди, мой руки. А я целый день копаюсь в бумажках. Скукотища! Но шефу должно понравиться, что я накопала. Как тебе рагу? Успела вот. Да! Слушай, а ты никогда не пробовал вырезать волосы? Ну, там... А давай попробуем. Да прямо сейчас! Ну, почему «дура»? Ой, что ты делаешь! Что ты де... А ты, оказывается, хулиган. Куда это «пойдём»? Вырезать волосы? Что это ты выдумал? Зачем тогда я говорила? Да вот для этого самого и говорила. Ой, кончай. Кончай-ай! Учти: свалим вазу – придётся платить. Командировочных не хватает!

А что это мы нынче так поздно? Ездил на станцию? За билетами? Уже? Как летит время...

Ну, здравствуй, город родной. Слушай: а ты можешь как будто приехать завтра? Посмотришь, как я живу... Ура. Да, это здесь. А ты где? Ого, совсем в другом районе. Вот видишь: не приехал бы ко мне – сроду бы не знала. Тебе потереть спинку? Да ладно уж, давай. Всё-таки какой он противный, этот вагонный запах! И как будто всё продолжает качаться... У тебя тоже так? Как славно нас качает... Покачивает... Укачивает...

Азимов обещает орден. Хожу счастливая! Все кафедральные дамы завидуют. Чему завидуют – сами не знают (ордену, наверное). А если б узнали – вообще лопнули бы. Я ведь даже сама себе завидую. Да! А ты? Оформил свою заявку? Вчера полдня бегала в твоём корпусе по коридорам. Но на тебя так и не наткнулась. А как далеко ещё до субботы! Дождусь ли?

За окном капель.. Первая капель в этом году. На окне – ветки мимозы в лабораторных стаканах: кафедральные мужики разорились. Шампанское купили мы сами. Мы так всегда поступаем: надо жалеть мужиков, их ведь у нас всего двое.

То и дело звонит телефон.

– Лерочка! Вас.

Тук-тук-тук. «Ой, спасибо. Я тоже. Ну, конечно. Всегда!»

– Ирина Юрьевна!

Клац-клац. «Алло! Да? Да что вы говорите. Спаси-ибо. Хи-хи-хи... Да ладно вам, баловник!»

– Зинаида Аркадьевна!

Бум-бум-бум «Кто это? Виктор Семёнович? Рада. Очень рада!. Спасибо. Елену Александровну поздравляйте тоже. От меня!»

– Лерочка!

Тук-тук-тук. «Привет. Нет, никто ещё не звонил. Ты первый! Ну, конечно. И я тоже. Разве может быть иначе?»

– Лерочка-а!

Тук-тук-тук...

– Знаете что, Лера? Садитесь-ка вы вот сюда, поближе к аппарату. Передайте, пожалуйста, её бокал!

Она садится на новое место и мгновенно поднимает трубку.

– Халлоу!..

Обведя стол глазами, останавливается на мне.

– Это... Вас.

В трубке слышится бодрый голос: «Алло! Узнала?»

Конечно, узнала, Николай. Спасибо. Постараюсь. Что? Нет, в эту субботу ничего не получится. Да там... У мамы мероприятие. А тогда приезжала тётка. А до этого мне нездоровилось. А... Ну, ты вспомнил! Тогда я вообще была в отъезде. Давай, поздравляй свою «половинку». И дочку тоже. Когда? Да как-нибудь... Пока!

Все уже разошлись. Кладу свою мимозу в сумочку и подхожу к зеркалу поправить лицо. Всё-таки я купила удачную тушь: другая бы наверняка потекла.

Дома на столе – торт в яркой коробке и листок бумаги, исписанный разноцветными фломастерами.: «Дорогая мамочка! Поздравляю тебя с Международным женским днём. Желаю... Я у бабули. Буду в воскресенье вечером. Если хочешь, приезжай.»

Самый любимый, самый драгоценный мой мужчина.

Нос картошкой, как у дуньки. Губы... Что это за губы – в нитку тонкие! Глаза... Так себе, серые, водянистые, да ещё с этим дурацким пятном. А что это здесь? Какой-то длиннющий волос – и, главное, один-единственный. Не дай бог, какая-нибудь бородавка вылезет. Причёска... Сейчас, небось, такие уже и не носят. А тут что?.. Ну, конечно, не «ушки спаниеля», но, прямо скажем, и не «мячики». Да и вообще, при таких бёдрах надо б номера на два побольше. Не зря он их не больно жалует: целовал, дай бог памяти, всего однажды – ещё там, в Нефтекупино. И с тех пор как-то скромненько увиливает... Слава богу, хоть ниже всё в порядке – и талия, и... остальное. А это ещё что такое? Не начало ли целлюлита? Не хотелось бы...

Прохаживаюсь по комнате, подсматривая краем глаза в трельяж, как играет при этом задница. Она дрожит, переливается волнами и ямочками, и с каждым движением её рельеф приобретает самые неожиданные формы. Это напоминает цветомузыку.

Во дворе в оттаявших плешинах уже зеленеет травка, а в квартире ещё топят по-зимнему, от души. Готовиться к занятиям усаживаюсь за стол в чём мать родила. И от этого чувствую себя маленькой, беззащитной и зябкой, несмотря на тропическую жару. Листаю свои,

ещё студенческие, конспекты, натываясь то на засушенный лепесток, то на рисунок не по теме на полях, то ещё на какую-нибудь мелочь. Всё-таки нас хорошо учили! Сколько книг надо было перерывать, сколько передумать всего, чтобы растолковать, вот, хотя бы это понятие. Да-а...

А не взяться ли за кандидатскую?

– Давно пора!

Азимов стащил с самой верхней полки самую пыльную папку и положил на мои ладони как хлеб-соль или – чего там! – наградное оружие.

– Лет десять назад я делал одну работу для Главстроя. Здесь то, что не вошло тогда в отчёт. Посмотри. Есть тут кое-какие мысли, и я за всё это время в доступных мне источниках на подобное не наткнулся. Хотел отдельно опубликовать, да всё как-то времени не хватает. Думаю, что тебе для реферата будет вполне достаточно. Дерзай!

– Ой, Рушан Гарифович! Я даже не знаю, как вас и благодарить.

– Отблагодарить меня как раз очень просто. Сделай из этого статью, и мы её опубликуем... ну, хотя бы в нашем сборнике. И мне, и себе поможешь. И в аспирантуру поедешь уже не просто так, а с имеющейся реальной публикацией. Улавливаешь?

– А если они это не оценят?

– Что значит «если»? Они это обязательно не оценят. По-другому и быть не может! У каждого свои интересы, свои темы, мысли и пристрастия. И на чужие им начхать.

– А для чего же тогда это надо?

Он вонзил в меня свои глаза-щелочки.

– Ты правда не понимаешь или придуриваешься?

И, не услышав от меня сколько-нибудь внятного ответа, продолжил:

– Это надо для того, чтобы оценить *тебя*. Стоит ли с тобой иметь дело. Может, ты дура, и с тобой только время потратишь, а толку не добьёшься.

– А вы-то как считаете: я всё-таки не такая дура? – не упускаю я случая пококетничать.

– Когда как, – гениально отвечает он, и я ретируюсь, чтобы не нарваться на что-нибудь похлестче.

Всю ближайшую субботу просиживаю за статьёй. Стадник взял тайм-аут в связи с какими-то домашними проблемами – то ли заменой водопроводных труб, то ли выколачиванием ковров. Понедельник проходит в беготне между Азимовым, машбюро и редакцией сборника. Вторник, среда и четверг – в хлопотах по поводу разных бумаг, потребных для поступления в аспирантуру. А в пятницу в середине дня, в коридоре главного корпуса, передо мной ни с того ни с сего вырастает вопрос: а не решил ли он меня бросить? Откладывая все дела и в чём есть лечу спасать своё счастье. Стадник сидит в прокуренной до отказа лаборатории один-одинёшенек. Он держится за паяльник, и выражение хмурой решимости на его лице говорит о готовности просидеть так, если надо, и сутки, и двое и, может быть, даже целую неделю.

– Привет.

– Привет, – отвечает он тоном, каким люди обычно говорят: «Чего припёрлась?» – Тварь такая. Третий день корплю, а она никак не заработает, – кивает он в сторону лежащей перед ним электронной схемы.

– Шла вот мимо, думаю: дай загляну. Соскучилась, – говорю я с той мерой игривости, которая всё-таки не давала бы повода нагрубить мне в ответ.

Он старательно изображает улыбку, но она ему не очень удаётся.

– Алёша, – говорю я уже как можно серьёзней, даже с оттенком некоторого драматизма. – Завтра я тебя жду. Обязательно. Это очень, очень важно.

Он забывает про паяльник и глядит на меня во все глаза. Но я поворачиваюсь и решительно иду к выходу, не произнося больше ни звука.

– Добрый вечер. Какой ты молодец, что пришёл!

Кажется, сегодня я ласкаю особенно нежно. Для начала в нём тает огромный ком, образовавшийся от проклятой неработающей схемы. Потом плавятся и стекают прочь путы обыденности, которыми неизвестно когда и как успели обрести наши отношения. И вечер приобретает остроту и свежесть первой ночи. Затем он доходит до исступления, пытаюсь проглотить меня всю, целиком. Потом плывёт и растекается сам. И наконец, когда подходит «час X», я вижу, как ему не хочется уходить. И это не просто лень разлакомившегося мужчины. В его глазах – реальная боль от сознания того, что он мог бы иметь в этой жизни, но даже под пытками не решится себе позволить.

И вот это меня устраивает. Я целую его редким глубоким поцелуем и легонько подталкиваю к двери. Прощай, Стадник. Теперь я без всяких слов знаю, что ты меня никогда не забудешь.

Работа в вузе была бы намного приятней и интересней, если бы в нём не было студентов. Такая мысль, постоянно ошивающаяся где-то на задворках сознания, регулярно – два раза в год – выступает на передний план. Это случается в конце каждого семестра. Когда люди, ничего толком не знающие, но обожающие с умным видом судить обо всём, – журналисты – достают из сундуков свои напыщенные штампы о том, что у студентов, мол, «началась горячая пора», мне вспоминается фраза, которую произносит актёр Алексей Смирнов в бессмертной комедии Гайдая: «Ты думаешь, это мне дали 15 суток? Нет. Это *нам* дали 15 суток». В ней – ключ к пониманию того, *у кого* начинается эта самая «горячая пора».

Знания подобны кредиту: их гораздо легче давать, чем получать обратно. Процесс выдачи светел и приятен. Он сопровождается шутками, анекдотами, выражением полного взаимоуважения и взаимопонимания сторон. Полную противоположность составляет получение. Оно кишит интригами, взаимными оскорблениями – как высказанными, так и тайными; подозрениями, вероломством и вообще самыми низменными проявлениями человеческой природы. В этот период вполне воспитанные, интеллигентные люди могут позволять себе такие слова и поступки, за которые, будь они совершены при любых других обстоятельствах, их до конца жизни мучила бы совесть. Да что там совесть! Законопослушный человек, у которого в роду до седьмого колена не было ни воров, ни фальшивомонетчиков, оказывается вдруг способным совершить кражу (стянуть из пачки у лаборанта чужую курсовую работу) и подделку (подписи преподавателя), не говоря уже о плагиате. И – самое страшное! – будучи уличённым в этих неблагоприятных поступках, не мучиться тем, что попал фактически в разряд уголовных преступников, а досадовать, что «ущучили».

К счастью, без курьёзов тоже не обходится.

Разворачиваю чертёж – и в самом центре его вижу огромное пятно желтоватого цвета.

– А это ещё что такое?

– Ой, Любовь Сергеевна, разгляде-ели! – тянет эта хитрая рожа. – А я так надеялся, что не заметите... Случайно вот получилось пятнышко.

Вся честная компания взрывается хохотом. Выясняется, что парень в запарке (чертил, бедный, всю ночь!) нечаянно опрокинул на лист бутылку пива, которое потягивал, по его словам, «для бодрости, чтобы не заснуть».

Что ж, попытаюсь даже этот инцидент использовать для повышения инженерной эрудиции. Заодно и прощупаем, как они интересуются своей будущей профессией.

Напускаю на себя строгий вид.

– Нет. Такое пятно я от вас принять не могу. Но должна сказать, что в популярной литературе по вашей специальности подобный случай уже описан. Там же описан и способ, каким можно от этого избавиться. Читали?

Обвожу взглядом лица собравшихся и, разумеется, наталкиваюсь на стену недоумения. Но продолжаю как ни в чём не бывало:

– Вот и отыщите это. Тогда вы сможете воспользоваться описанным способом и с честью выйти из положения.

– А если не отыщется?

– Тогда всё перечерчивать, – безжалостно заявляю я и моментально обзавожусь двумя дюжинами новых врагов. Нет, ну какая же сволочь! Парень мучился, ночь не спал, а она из-за какого-то пятнышка...

Традиционно студентов возмущает больше всего, когда им предлагаешь узнать что-либо новое самостоятельно. Особенно если оно имеет какое-нибудь отношение к делу.

Не желая всё-таки оставаться в их глазах такой уж злыдней, беру свой хищно отточенный «Кохинор» и делаю им пометки на чертеже, запятнанном потреблением слабоалкогольных напитков.

– Заодно разберитесь вот с этим. И с этим. И, конечно уж, поправьте здесь. Об этом я вам тысячу раз говорила.

Слава богу, такие замечания пока ещё можно делать без риска получить репутацию безнадёжной зануды и придиры, а то и чего похуже. Надолго ли это?

Неожиданно хозяин чертежа оказывается единственным из всего табора, кто не обиделся на мои законные действия. Вместо этого он задаёт нормальный вопрос:

– А вы не могли бы назвать источник?

– Это описано у Комаровского, – отвечаю я, и аудитория затихает, почуяв тут разговор двух коллег.

Сомневаюсь, чтобы раньше он читал или хотя бы слышал о Комаровском. И то, что при этом не докучает лишними вопросами, вызывает симпатию.

Поздно вечером, когда я в состоянии выжатого лимона собираю пожитки, мечтая побыстрее добраться до подушек, дверь приоткрывается, и некая фигура, образовавшаяся в проёме, корректно спрашивает:

– А можно мне ответить на ваш вопрос теоретически?

Господи. Ну, конечно же, можно. Чтобы пятно исчезло, надо просто выкупать в таком же пиве весь лист и затем высушить его на подрамнике. Но откуда у студента лишние деньги на то, чтобы зря переводить ценный напиток!

– А откровенно: неужели ты за это время разыскал в библиотеке и прочёл книгу Комаровского?

– Откровенно?..

Он ждёт, когда моя рука, застывшая над зачёткой, доделает своё дело.

– Да ладно уж, скажи. Чего там!

– Я... Я сам догадался.

– Неужели?

– Вот честное слово!

Бывают моменты, когда стопроцентно видно, что человек не врёт.

Надо же: сам. Не устроил скандал, не нагрубил, не побежал жаловаться, а подумал – и придумал. Ну, не раскопал, не прочёл он книгу этого гулаговского генерала, – в конце концов, бог с ней.

Сам дошёл. Не «залюсил».

Я ехала в позднем автобусе и сонными мозгами мучительно пыталась сообразить, что здесь важнее.

– Привет!

– О, привет. Как дела? Удалось разделаться со схемой?

– Схема?.. У-у, вспомнила! Давно сдал и забыл. Сейчас вот готовим автомат для выставки.

– Рада за тебя.

Гляжу на него искоса, одновременно перебирая на подоконнике бумажки и отмечая в списке: всё ли готово к отъезду.

– Увидеться бы, – осторожно закидывает он.

– О! – машу рукой, не отрывая взгляда от подоконника. – Мне сейчас... не до чего!

Он мнётся несколько секунд и, не в силах завладеть моим вниманием, исчезает за поворотом на лестницу. А я как на духу задаю себе вопрос: на самом деле я уже так спокойна или просто мне удалось хорошо это сыграть. И, не найдя однозначного ответа, снова углубляюсь в бумаги. Характеристика, командировка, список трудов, реферат... Всё в сборе. Дело за малым: направление, которое должен подписать Шувалов. Собственно, за этим я и здесь. Он там проводит очередное жуткое совещание, а женщина вот – стой и жди в коридоре, когда это всё закончится. Конечно, можно было бы и не торчать здесь, а прийти позже, но не так уж много остаётся дней. А ещё ведь трепотня за билетами и тысяча других мелочей, которые сразу-то и не упомнишь.

Прощальным взглядом обвожу засмотренный до дыр коридор, с которым собираюсь расстаться на несколько лет. Высоченные потолки с массивными старомодными светильниками, огромные окна, местами выщербленный лоснящийся паркет. За окном берёзы вперемежку с плакучими ивами, скамьи с чугунными боковинами, газоны, между которыми проложены широкие проезды, уставленные автомобилями. Среди светло-серых, тёмно-зелёных и чёрных ярко выделяется малиновая «девятка». «Стоит „девятка“, и это сладко!» – проносится какая-то чепуха в пустой как весенний амбар башкенции. И сразу, как-то сами собой, лезут образы: хозяин с буйной шевелюрой, крупными руками слегка придерживает послушную баранку. А снаружи мелькает всё: заборы, деревья, дома. Снова деревья... Интересно, куда он возит своих девочек? Наверное, к себе на квартиру. У сына такого папаши наверняка есть своя квартира. Или, может быть, на дачу. Сейчас замечательно хорошо в домике, у какого-нибудь плёса, где стоит камыш и оглушительно тарахтят лягушки. Шины прошуршат по прошлогодней листве, откроется дверца, и из салона, пропахшего... скажем, искусственной розой, выведет прямо в аромат пробуждающегося леса. Слегка набухшая за зиму дверь. Винтовая лестница. Прохладные и жёсткие, в складках от долгого лежания в комод, белоснежные и крахмальные, простыни. Терзающе жёсткие. И до дрожи прохладные.

Спускаясь по лестнице, почему-то прижимаю папку с документами обеими руками к груди. Снаружи прохладный ветерок овеивает щёки, но я этого не чувствую. Сделав несколько шагов, неожиданно для себя зову:

– Дима!

Он оборачивается, и в его глазах вспыхивают радость и вожделие.

– Вам куда? – спрашивает он, жужжа стартером.

Гляжу на него с переднего сиденья, слегка наклонив голову и до отказа распахнувши веки. Вперёд, парень. Сегодня нам с тобой в одну сторону.

В салоне густо пахнет искусственной розой.

– Ох, не знаю, как с вами и быть.

Дежурная Вера Игнатьевна (если верить тому, что написано у неё на халате) машинально поправила высокую соломенного цвета причёску.

– Но ведь у вас как будто свободно...

– Сейчас-то свободно. А ну как курсы повышения нагрянут? Должны заезжать на днях. Их-то я просто обязана поселить.

– Если нагрянут, я съеду.

– Все вы так говорите. А сами побежите в дирекцию жаловаться.

Я упаковываю свою «физию» в самое жалобное выражение, при этом не забывая исподтишка наблюдать за Верой Игнатьевной. Мой цепкий взгляд отмечает в её лице ожесточённую борьбу между боязнью получить взыскание и желанием подработать. К моей радости, борьба оказывается неравной, и материальная сторона одерживает победу довольно быстро.

– Хорошо, – излагает она мне результат найденного ею где-то внутри себя компромисса. – Я вас поселяю пока в комнату. Но в случае чего поставлю вам раскладушку в кладовой инвентаря. Согласны?

Через минуту я уже тяну свои чемоданы на четвёртый этаж по медной от заходящего солнца лестнице.

За дверью с наклеенным на неё огромным глазом, вырезанным из какой-то афиши, меня встречает слоистый сизый туман, в котором плавает стол с раскоряченными железными ножками, пепельница, переполненная изуродованными окурками, недопитая бутылка портвейна 777 и за всем этим – верхняя часть нечёсаной фигуры в синем спортивном костюме. Молча прохожу к окну, изо всех сил дёргаю за ручку, но рама не поддаётся.

– Н-не открывается, – басит фигура. – Можно только форточку.

Я следую её совету. Прозрачный воздух охотно льётся сверху на подоконник и уже оттуда на крашенный охрой пол.

– Законная, – говорит фигура, не отрывая щеки от подпирающего её острого кулачка.

– Что «законная»? – вздрагиваю я от неожиданности.

– Я Законная, – отвечает она, икнув. – Законная Л-людмила. Слушай, закрой форточку. Знобит.

– Бубенцова Любовь Сергеевна, – отвечаю я и, сняв с вешалки, подаю ей висевшую там тёплую куртку. – Накинь на плечи. А то мы с тобой тут обе задохнёмся.

– Любовь С-сергеевна, – она усмехается, и я впервые в жизни вдруг сама обращаю внимание на то, что меня со школьных лет почему-то зовут по имени-отчеству.

Она до краёв наполняет гранёный стакан и, подвинув его ко мне, поднимает свой.

– За знакомство!

Я делаю небольшой глоток. Терпкое вино катится по горлу, согревая и дразня.

– Не бойсь, – говорит Людмила, покосившись на едва пригубленный мной стакан. – Я завтра уже... Ту-ту-у-у!

– Всё порешала?

– Порешала...

Она глубоко затягивается сигаретой, и по ложбинке между щекой и симпатичным тонким носиком неожиданно скатывается слеза.

– Время ещё есть. Деньги тоже, – всхлипнув, продолжает она. – Поеду в Новосибирск. И там...

Она осушила стакан и, утёрши губы рукавом, продолжала:

– Дай мне бог бабу в руководители.

Пьяные слёзы текли по щекам и, похоже, она их уже не замечала.

– Водил меня за нос целую неделю. То у него совет, то реферат надо там-то и там-то поправить, то бумажку перепечатать. То статью какую-то в читалке проштудировать. А потом вдруг и говорит: «Слушай, я неделю с тобой вожусь, а ты так ничего и не поняла». Я ему: «А чего я должна была понять?» А он: «Чего-чего! Того самого. У меня с аспирантками разговор короткий». И за коленку меня – хват! Представляешь? Меня за коленку. Как какую-то шлюху мелкую. А у меня три изобретения и «раций» полтора десятка. Я ещё до института, девчонкой, Зейскую ГЭС строила!

Я представила эту рыженькую мурашку возводящей громадину Зейской ГЭС, и мне пришлось срочно отхлебнуть из своего стакана, чтобы как-то сохранить лицо.

– Скажи-ите пожалуйста, столичная штучка! – продолжала изливаться «мурашка». – Небось, со своими бабами так вести себя не позволяет. А как видит: из Урюпинска, так уж и руки распускать можно.

– А ты из Урюпинска? – зачем-то спрашиваю я.

– Из Сольвычегодска, – отвечает она так, что невозможно определить, правда ли это.

– А тут ещё эта... Секретутка из аспирантуры. «Как! Вы уезжаете? Да вы знаете, что Василий Самвелович – это стопроцентный выход на защиту диссертации! У нас к нему пачками ломаются!» Вот, думаю, пусть мужики и ломаются. Может, когда-нибудь морду набьют.

– Василий Самвелович? – переспросила я.

– Кащероносцев, – ответила она уже почти равнодушно. – Главное: старик уже, за шестьдесят, наверное. А тоже... Ох-х...

Силы оставляли её прямо на глазах.

– Прилечь что ли...

Уронив с плеч на пол тёплую куртку, она с трудом прошла два шага до кровати и тут же наполнила комнату неожиданно мощным храпом.

Когда я открыла утром глаза, комната была тщательно убрана, посуда вымыта и сияла чистотой. У скатанной постели стояла элегантная стройная дама, напоминающая Маргарет Тэтчер в молодости.

– Ну, до свидания, Любовь Сергеевна. Удачи тебе. Не поминай лихом! – прогудела она знакомым мне с вечера басом и, выскользнув из комнаты, деликатно прикрыла за собой дверь.

Я лежу под сердитым общественным одеялом, и нельзя сказать, что мысли, которым я там предаюсь, прибавляют мне внутреннего комфорта. Зейскую ГЭС я не строила. И никаких «раций» у меня нет, не говоря уже об изобретениях. В списке трудов, кроме пресловутой азимовской статьи, значится лишь ещё один отчёт о хоздоговорной работе да совместные с Гавриловым тезисы доклада на конференции, на которую я, честно сказать, и не ездила. И ни одного кандидатского экзамена! С этим надо срочно что-то делать.

Я не стала тратить время на набивший всей стране оскомину треугольник «ГУМ – ЦУМ – Детский Мир», а сразу направила свои босоножки в Добрынинский. Это, конечно, была разминка. Оттуда я перекочевала в «Вешняки» и потом уже каталась без удержу по всем знакомым и незнакомым местам до самого вечера. То, что мне было нужно, я нашла в «Лейпциге». Отразившись в этом в дверце моего шкафа, я чуть не запела от восторга. А накинув сверху любимую воздушно-лёгкую блузку, увидела, что приобрела как раз те два номера, которых мне от природы так не хватало. И цена, уплаченная за такое приобретение, показалась просто смешной.

Эту ночь я проспала сном младенца.

Начальника аспирантуры на месте, разумеется, нет, и все дела ведёт та самая «секретутка». Выясняется, что вообще-то её зовут Зинаида Порфирьевна. Оглядев меня по-хозяйски сквозь шикарные очки, она открывает список действующих руководителей и, изучая его, задумчиво тянет:

– К кому же мне вас напра-авить?

– К Кащероносцеву, – говорю я, без приглашения усаживаясь в гостевое кресло.

Она смотрит на меня изучающе.

– У вас с ним есть договорённость?

Я нахально киваю в ответ. Она хватается за внутренний телефон, но гирлянда тоскливых гудков, слышных даже мне, тянется бесконечно, и она нетерпеливо бросает трубку.

– Что ж, раз вы знакомы, то идите так, без звонка. Он должен быть у себя. После собеседования зайдите сюда-а!

Последние слова настигают меня уже в коридоре.

Из-за двери профессорского кабинета в необитаемый предбанник ломится крупный бас, напоминающий звериный рык.

– Сильвия!

И почти сразу ещё:

– Сильвия-а-а!!!

Приоткрываю дверь и деликатно просовываю внутрь свою причёску.

– Здесь никого нет.

– А вы кто такая? – властно интересуется крепкая седая личность из-за аршинного стола.

– Аспирантка.

– Слушай, дорогая, посмотри там, в коридоре, Сильвию. Куда запропастилась? Пусть сделает кофе.

– Сильвии поблизости нет, – отвечаю я. – А кофе, если хотите, могу сделать я.

Он переглядывается с посетителем – темноволосым мужчиной в массивных очках, который поворачивается и смотрит на меня с лёгкой улыбкой.

– Откуда узнаешь, какой нам нужен кофе? – вскидывает руку хозяин кабинета.

– Я постараюсь угадать, – улыбаюсь я. – Конечно, самый крепкий. И без сахара.

Мужчины смеются, глядя друг на друга, и он машет рукой.

– Делай два. Нет, три. Сама тоже заходи.

Одного взгляда на Кащероносцева достаточно, чтобы увидеть, как много в нём от Самвела и как мало от Василия. Секрет приготовления кофе для таких мужчин сводится к способности загрузить в турку столько порошка, сколько позволит влить в оставшийся объём воду в количестве, достаточном лишь для того, чтобы наполнить готовым напитком один-два швейных напёрстка – и ни капель больше. Хорошо приготовленным считается питьё, если оно не только по цвету, но и по вкусу не отличается от бондарного дёгтя.

– О, хорошо, – Кащероносцев посмаковал первую огненную каплю. – Где научилась?

– Это мой любимый напиток, – отвечаю я.

Забавно, что они – оба! – верят.

– А чья вы аспирантка? – интересуется он.

– Ваша... Хочу быть вашей, – поправляюсь я.

Он берёт мой реферат и открывает последнюю страницу.

– Гляди-ка, – говорит он своему собеседнику. – Шестьдесят три страницы накатала!

Тот поворачивает к себе обложку, читает название и в свою очередь восклицает:

– Да ещё по такому вопросу! Слушай, Самвелович, надо взять!

– А кандидатские у вас сданы? – оборачивается ко мне будущий шеф.

Я роюсь в сумочке как будто в поисках носового платка.

– Понятно, – говорит он. – Что ж, придётся всё успевать. И реферат мне к осени будет нужен вот на эту тему.

Он роется в кипе бумаг на приставном столике и выуживает оттуда объёмистую статью, написанную на языке, в котором знакомыми мне представляются только буквы.

– Венгерский, – говорит он, видя моё недоумение. – Обратись в бюро технического перевода. А сейчас просто посмотри картинки.

Пока я занята разглядыванием статьи, он заканчивает разговор со своим собеседником.

– Ну, что же, Леонид Валерьянович. Через два месяца жду тебя с восьмой главой. Издательство уже включило нашу книгу в план, так что назад пути нет. Когда у тебя самолёт?

Он выбирается из-за стола, и оба ненадолго выходят из кабинета. Этого времени мне хватает, чтобы расстегнуть верхнюю пуговку на блузке. Теперь в определённой позе будет как бы случайно виден краешек моей шикарной добычи из «Лейпцига».

Этот краешек производит на впечатлительного Кащероносцева такое воздействие, что всё остальное ему загорается увидеть немедленно. Это нетерпение маститого учёного, пре-

стижного лауреата и автора ряда монографий, очень льстит, и я позволяю себе пребывать в ритуальном смущении не более двадцати секунд, по истечении которых тут же оказываюсь в лауреатовской «Волге». Краткая поездка по Москве, великолепный ужин в «Будапеште» – и вот мы уже потягиваем красное вино, нежась в огромной сверкающей ванне, установленной в его квартире. Он разглядывает меня во все глаза, в которых я вижу неподдельное восхищение и прямо-таки мальчишеский блеск. Возношусь в небеса и наслаждаюсь возникшим при этом лёгким кружением головы.

В массивную дверь ванной стучат, и слышится голос – низкий, но женский:

– Василий!

Душа уходит в пятки, но он берёт меня за неё и, легонько сжимая, громко интересуется:

– Что тебе, Роза?

В дверь протискивается пожилая женщина в замурзанном шёлковом халате и с потухшей папиросой между коричневыми пальцами.

– Нигде не могу найти справочник Корнов. Куда ты его задевал?

– Посмотри в правой тумбе стола, – говорит он, продолжая гладить мои щиколотки. – И закрой скорее дверь: холодом тянет.

– Что за привычка засовывать в свой стол общую литературу! – ворчит Роза и уходит, плотно закрыв за собою дверь.

– Моя жена, – отвечает он моему взъерошенному взгляду. – Не бойся, она не будет нас травить или резать кухонным ножом. Она смиренная.

Он вылезает из ванны и, наклонившись, подхватывает меня на руки. Вода хлещет с нас прямо на кафельный пол. Струится на паркет. Капает на ковёр. Когда это меня так носили в последний раз? Только в детстве. Папа. Мой бедный папочка...

Постель у него очень дорогая, с красивой узорной каймой (столица!) Но при этом могла бы быть и поопрятнее. Мягкий свет ночника не раздражает глаз. Он продолжает разглядывать и будоражить меня, и я то там, то тут чувствую непривычные прикосновения сплошь усталого волосами тела. То, ради чего всё затевалось, происходит только утром, когда уже не остаётся никакого терпения, и я, не в силах сдерживаться, оглашаю комнату таким истерическим криком, от которого самой становится страшно.

– Ты самый необычный мужчина в моей жизни, – говорю я, целуя его в седую щетину, и на этот раз почти не вру.

– Роза! Ты будешь пить кофе? – кричит он и просительно смотрит на меня.

Накидываю попавшийся под руку дежурный халат и отправляюсь на кухню. Роза сидит за большим круглым столом. Она уже одета в какой-то безнадежно мрачный, свисающий с неё наподобие лохмотьев, костюм и читает статью, кажется, на английском языке.

– Всё-таки этот Дженкинсон придаёт чересчур большое значение своему фактору «дельта», – бормочет она – Вчера я проанализировала...

Она поднимает глаза и, увидев, что это всего лишь я, умолкает на полуслове, вновь уткнувши свой крючковатый нос в бумагу.

После кофе с гренками Василий сажает нас в машину и везёт в институт. Мы подъезжаем к зданию как раз в тот момент, когда в его стеклянные двери вливается мощный поток самых дисциплинированных сотрудников. Василий Самвелович раскланивается практически с каждым, не переставая при этом придерживать меня за локоть. Я вспоминаю прислушивающегося к малейшему шороху в моём подъезде Николая, остальную отчаянно трусящую на людях мужскую братию, и наполняюсь небывалым уважением как к ведущему меня мужчине, так и к себе самой.

Широковатая в талии смуглолицая Сильвия шлёпает что-то на машинке, поводя густыми чёрными бровями.

– Через двадцать минут зайди ко мне с той текстовой, – командует он ей, раскрывая передо мной дверь кабинета.

– Ха-арашо! – отвечает она, потрянув головой, в которую воткнута какая-то невообразимая блестяшка.

Он жестом указывает мне на стул, достаёт из стеклянного шкафа толстую жёлтую брошюру и кладёт передо мной.

– Анализ всех последних трудов по твоей теме. Я сделал это в прошлом году для защиты темплана лаборатории. Если с умом переписать, из этого получится и реферат, и почти вся первая глава. Пользуйся!

Пока я листаю, он поднимает трубку внутреннего телефона.

– Алло. Бюро перевода? Вчера к вам приходил от меня... Девушка. Что? К обеду?

Он вопросительно смотрит на меня. Я машу рукой, соглашаясь.

– Ха-арашо! – говорит он в трубку и оборачивается ко мне.

– Вот тебе три рубля. Купишь шоколадку переводчице. И перед обедом заберёшь статью вместе с переводом. Статью сюда, а перевод – тебе. Штудируй. И осенью жду тебя здесь готовой к вступительным экзаменам.

Я пытаюсь продвинуть обратно выложенный на стол трояк, но он вкладывает его в мою руку и задерживает всё это в своих больших и тёплых ладонях.

– Бери, не модничай. Лучше поцелуй меня на прощание.

Я нагибаюсь и тону в его широкой натуре.

Продавщица привокзального «Гастронома» пожалела меня и отпустила, вопреки всем правилам столичной торговли, целых два батона колбасы. А я, не приученная к тому, чтобы бережно относиться к собственной персоне, натащила в ячейки камеры хранения ещё всякой всячины ровно столько, чтобы кое-как доплестись со всем этим до своего вагона (не прибегая к помощи носильщика!) и замертво грохнуться там на полку.

Москва представляет из себя всесоюзный склад товаров первой необходимости. Всё, что производится в стране и за её пределами, для чего-то свозится именно сюда. Думаю, что для удобства учёта: ведь любое добро гораздо легче пересчитать и занести в реестры, когда оно свалено в одну кучу, а не разбросано, словно мусор, по всей стране. В конечном счёте это удобно и для народонаселения. Когда в домохозяйстве выявляется потребность в чём-нибудь – от апельсинов до игл для швейной машинки – жителю необходимо лишь позаботиться о билете до столицы вместо того, чтобы мотаться вслепую по необъятным просторам Родины.

Когда утром я разула глаза, оказалось, что в купе кроме меня едут трое плохо вымытых мелких мальчишек и дородная мамаша в цветном халате, косынке и шароварах, периодически подкармливающая огромной захватанной грудью четвёртого. Мальчишки в количестве трёх беспрерывно перескакивали с полки на полку, стимулируя меня острыми пятками и возбуждая огромную радость от сознания того, что их голенький братишка покамест не в состоянии к ним присоединиться. Зато он в силу своего нежного возраста имел право не выходя из купе проделывать кое-что другое и широко этим правом пользовался. Спустив ноги, я нашарила ими вместо своих шлёпанцев чужие картонные коробки. Не желая беспокоить соседей распросами, я кое-как встала коленями на потёртый железнодорожный коврик и продолжила поиски уже с помощью рук. Шесть блестящих чёрных глаз с верхних полок внимательно наблюдали за моими упражнениями, то ли недоумевая, чего этой русской тётке не лежалось на полке, а понадобилось лезть под неё, то ли присматривая за своими коробками на предмет того, чтобы она не стянула оттуда что-нибудь ценное.

Найдя шлёпанцы в разных углах купе и сформировав из них пару, я вышла в тамбур. И там, докуривая натошак вторую сигарету, с тоской поняла, что остаток пути мне скорее всего предстоит провести здесь, между невымытых стёкол, перед которыми болтаются переполненные

окурками старые консервные банки. Вошедший солдатик в кителе и чёрном трико попросил у меня огня, думая, что я не увидела, как он поспешно спрятал свою зажигалку. Подав ему свою, отгородилась не только веком, но и затылком, усердно лоя взглядом пробегающие снаружи опоры контактной сети. Он всё понял и, сдержанно поблагодарив, занял наблюдательный пост у противоположной двери.

Поезд стал снижать скорость. Звеня тормозами, он проследовал небольшой гремучий мостик. Мачту радиорелейной связи. Здание, показавшееся чем-то очень знакомым. Станция... Боже мой, станция Купа!

– Стоянка поезда две минуты! – предупреждает проводница.

Запах елей, который не в силах побороть даже станционная гарь. Выкрашенный в землистый цвет киоск. Полная дама в красной фуражке на отдалении. Лента шоссе, лёгким изгибом взлетающая на возвышенность и теряющаяся там, с пробегающими по ней КраЗами и КамА-Зами, – дорога на Нефтекупино. Господи, как давно всё это было!..

– Отправляемся! – кричит проводница.

Задираю ногу до последней возможности. Какая высокая ступенька! Не оставить бы тут шлёпанец.

Неужели поезд и вправду стоял всего две минуты?

– Здравствуйте, Любовь Сергеевна! Поздравьте меня.

Эта улыбка ему очень к лицу. Но с ней он выглядит ещё моложе. Совсем мальчишка!

– С удовольствием поздравляю тебя, Дима. И поздравила бы ещё сердечнее, если бы знать, с чем.

– Как это «с чем»? С окончанием института.

– Какого института? – опешила я.

– Нашего института.

– Вот как? А я полагала, что это случится только на будущий год.

– А я поспешил. Чего тянуть! И так за плечами уже и работа, и армия... «А годы проходят. Всё лучшие годы!»

– Молоде-ец. Не ожидала.

Этого я действительно ожидала от него меньше всего.

– Просто взял себе за правило в каждую сессию сдавать что-нибудь лишнее. И вот, пожалуйста. Пока вы где-то там ездили, сдал, что ещё оставалось, и даже защитил диплом. Между прочим, на «отлично».

– А сейчас к дядюшке на приём? И, небось, с благодарственной речью?

Киваю на тяжёлую дверь с табличкой «Проректор по научной работе д.т.н, проф. Шувалов Алексей Петрович», возле которой мы, собственно, и столкнулись. Он пытается положить руку на моё плечо, но я отстраняюсь и машинально озираюсь по сторонам. По счастью, коридор в это мгновение оказывается пустым.

– Никого нет, – говорит он изменившимся голосом. – Время каникул и отпусков.

Он делает ещё одну неудачную попытку привлечь меня к себе. Я смотрю на него укоризненно, чувствуя, что краснею.

– Чего мы боимся? Вы не замужем, я не женат. И я уже не ваш студент.

Чего я боюсь? Эх, парень. Да именно того, что мешает тебе до сих пор перейти на «ты».

Он глубоко вздыхает и продолжает уже другим тоном.

– Решил, по вашему примеру, заняться наукой. Вот, хочу попросить дядьку, чтобы он договорился насчёт сдачи кандидатских где-нибудь... Словом, где можно. Вас этот вопрос интересует?

Я задумываюсь над неожиданно открывшейся возможностью, и он, воспользовавшись этим, всё-таки дотрагивается до моего голого плеча.

– Подождите меня здесь. Я мигом!

Клубы мурашек, сплетаясь со сладким дымом надежд и заманчивых перспектив, зудят во мне, и за этим зудом всё слабее слышатся исчезающе далёкие позывные внешнего мира со всеми его делами, хлопотами, доводами здравого смысла и жизненными расчётами.

– Он просит, чтобы вы зашли.

Он просит, чтобы я зашла. Он о-чень-про-сит-что-бы... Он-хо-чет-что-бы-я... Здравствуйте, Алексей Петрович. Ой, что вы! Спасибо. Мне очень приятно! Я и не думала, что вы заметите мой скромный вклад в это большое коллективное дело. Азимов хвалил? Он очень добр ко мне. Как и вы...

– Я договорился насчёт сдачи аспирантских экзаменов для двух наших сотрудников. В Челябинске. Вас это устраивает?

Мы оба помолчали. Он – выжидая, пока до меня дойдёт смысл сказанного, я – пока он поймёт, что этот смысл до меня уже дошёл.

Наконец он по-настоящему поднял на меня свои глаза.

– Вы, конечно, знаете, что Духовицкий – мой родственник.

И, не дожидаясь никаких подтверждений с моей стороны, без малейшей паузы продолжил:

– Хороший мальчик. Умный. И даже талантливый.

Что ж. Говорите, Алексей Петрович. Я, собственно, знаю всё, что вы мне сейчас скажете. Но вы всё равно говорите, не обращайтесь на меня внимания.

– Он бы уже давно закончил институт, если бы...

Шувалов потербил в руках министерский телефонный справочник. Поискал для него на столе более удобное место и, не найдя, бросил на прежнее.

– Словом, парень видный. Молодой, горячий. Увлекающийся.

Я слепила из своей физиономии лицо сфинкса. Я не изменила бы этого выражения даже если мне, как сфинксу, снесли бы сейчас полморды.

– Короче, у меня к вам будет большая просьба, – выдохнул он наконец самое главное. – Вы присмотрите за ним там, в Челябинске. Чтобы он какой-нибудь фортель ещё не отбросил. А то ведь, знаете!.. На вид-то большой, а в жизненных делах ещё балбес балбесом. Родители за него волнуются. Они у него...

Только не надо смотреть на меня вот так, «со значением». Знаю я прекрасно, кто у него родители!

– В общем, Люд... О, Любовь Сергеевна! Я вас лично очень... Очень прошу. Присмотрите за ним как... Ну, по-матерински, что ли. Вы меня поняли? Мы с ним только что говорили. Он вас как педагога очень уважает. Вы для него большой авторитет!

Он жмёт мне руку у выхода. Крепко, «по-товарищески».

Ох, Алексей Петрович. Вы и представить себе не можете, как я вам благодарна за доверие.

– И о чём же вы там беседовали с моим дядькой? – как бы в шутку поинтересовался Дима, когда мы уже мчали по загородному шоссе.

– О тебе, конечно, – не задумываясь ответила я.

– Правда?

Почувствовалось некоторое напряжение.

– Он тебя очень хвалил. Говорил, что из тебя вырос настоящий мужчина. Толковый, не по годам развитый. А особенно – сведущий в жизненных вопросах. Сказал, чтобы я не стеснялась обращаться к тебе за помощью. Что ты в состоянии, если нужно, даже помочь ценным советом.

– Надо же! – проговорил он с видимой иронией, но за версту было видно, что услышанное ему очень понравилось.

Знакомая дача встретила нас тишиной и прохладой. В огромном ушате плавали листья, сновали водомерки и отражались высоченные облака. Когда мы вдоволь насиделись в его ласковой воде, и мой юный красавец, выйдя наружу, галантно подал мне руку, я приподнялась и обеими своими обхватила его за шею. На мгновение опешив от неожиданности, он мужественно подхватил меня и понёс, осторожно ступая по тёплым от солнца доскам крыльца. Да, мой дорогой. Теперь тебе придётся делать это. Но я буду честно стараться, чтобы было не очень тяжело.

Он не оставляет без внимания ни одного квадратика. Может быть, правда любит? Ого! Что ты делаешь? Я не смогу ответить тебе тем же...

– Тебе не понравилось?

Ну, что ты, малыш. Разве это может не понравиться.

– Давай будем готовиться к экзамену вместе.

– А ты уверен, что у нас получится?

В столичных столовых тоже бывают рыбные дни. Вероятно, их устраивают для того, чтобы такие как мы чувствовали себя здесь как дома. Но сегодня рыба пахнет как-то по-особенному отвратительно. Когда мы с ней доходим до кассы, я уже готова выпустить её обратно в мировой океан. Только усвоенная ещё в детстве дурная привычка обедать заставляет меня дойти до стола и вонзить ей в бок скользкую алюминиевую вилку. Но после этого приходится нести её уже в себе. И я точно знаю, что до мирового океана мы с ней теперь не дотянем.

В туалете меня обступили сочувствующие женщины.

– Надо же, какую гадость они тут готовят!

– Отравилась, бедняжка.

– Они нас всех отравят.

– Совсем обнаглели!

– Вы, девушка, обязательно напишите на них жалобу!

Конечно, напишу. Вот только расплачусь с соседкой по комнате за слопанные вчера без её ведома две селёдки, которые она собиралась загнать «под шубу», – и сразу же накатаю. Нашла, когда извлекать спираль, дура! Совсем размякла, все мозги повыпустила. Забыла, как это бывает? Забыла всё на свете!

А может быть, это и есть мой случай?

Как бы то ни было, он имеет право знать.

– Почему ты не позвонила? Я бы встретил тебя в порту.

– Да встретишь ещё. Какие наши годы.

Какое там «позвонила»! Я и сама-то не понимала, что лечу. Вот бы так: закрыть глаза, а утром – глядь! – и ничего нет. Рассосалось.

– Ты прилетела одна?

Усмехаюсь про себя: «Пока одна».

– Чего молчишь? Я имею в виду: без Мишутки?

– Мишутку уж три недели как отправила. Нечего прохлаждаться, учиться надо.

Он сел на кровати.

– С тобой что-то происходит. Неужели...

Ну, давай же! До отгадки всего один шаг.

– Неужели кто-то всё-таки выболтал тебе...

Он бьёт себя кулаком по коленке.

– Это я во всём виноват. Я должен был сам... Сам, давно всё это тебе рассказать!

Господи! А ты-то ещё чего должен был мне рассказать?

– Короче, у меня была раньше одна... История.

Он то ли вздохнул, то ли всхлипнул.

– Влюбился как мальчишка. Да я и был тогда мальчишка. Всего лишь на первом курсе, ещё восемнадцати не было. Она в булочной возле нас работала продавщицей. Я туда каждое утро за хлебом бегал. А у неё халатик такой... В общем, наповал. Жениться хотел! Старики, естественно, ни в какую. Я институт бросаю, и мы вместе рвём когти в её город. Меня, конечно, по малолетству в путёвые места не берут, так что ошиваюсь я на товарной станции, вагоны разгружаю. Силой господь не обидел, а паспорт там не спрашивали.

Ну, что ж. Живём мы, значит, так какое-то время. Живём душа в душу. Вдруг – откуда ни возьмись! – приезжает дядька. Разыскал! И новость привёз: мамка, мол, в больнице с сердцем. Из-за меня слегла. Что тут поделаешь! Я с ним в машину сажусь, невесту чмокнул – жди, мол, – и домой. Мама, и правда, в больнице. Просит пожить дома, пока она не оклемается. Живу неделю, другую. День рождения мой подходит. Совершеннолетие! Мама ради такого случая попросила, чтобы её пораньше из больницы выписали. Да ещё, по её словам, насилу врача уговорила! Но всё-таки отпустили. Устроили они мне, конечно, грандиозный праздник. Батя мотоцикл подарил, о котором я давно мечтал. Ну, и вообще...

Короче, отпраздновали, а через пару дней – хлоп! – повестка из военкомата. И меня без всякого промедления гребут по полной программе и шлют, где Макар телят не пас, – аж под Владивосток. Думаю, что без бати тут не обошлось. Но как докажешь! До сих пор это место в моих с предками отношениях тёмным остаётся.

Но дело не в этом.

Служу я, стало быть, в армии, по невесте тоскую, и вдруг получаю письмо. От неё. Прости, мол, дорогой, это была ошибка. Полюбила я теперь по-настоящему, мужчину взрослого, обеспеченного, и выхожу за него замуж. Прочитал я это – и с ходу через забор. Чтоб, значит, лично убедиться... Или как бы это сказать... Короче: когда огнём или кипятком обожжёшься – обычно сразу дёргаться начинаешь. Пляски там всякие устраивать. Не думаешь ведь в этот момент, что никакого толку от плясок этих, собственно, нет и быть не может. Ну, вот и со мной что-то такое случилось, наподобие этих «плясок». Но куда там! Только до Лесозаводска и добрался – сцапали. Могут, гады, когда захотят! Мне, значит, за это дело дисбат ярким светом светит, а может быть, и тюрьга. Приехал отец, с командованием части, с прочими разными чинами якшался, – отмазал как-то там, сумел. Но меня после этого на пароходик – и к чёрту на рога. Чукотка. Мыс Шмидта. Ты, небось, о таком и не слыхала?

– Что?

– Да ладно, проехали, – махнул он. – Служу, значит, я там, откуда уже никак не рвануть. И дёргаться-то не стоит. Отслужил, еду на дембель – чтобы домой? – Так нет. Сразу к ней. Приезжаю, смотрю – правда, не обманула. Муж такой... Какой-то местный начальничек. Ребялёнок. Квартира. Короче, со мной и говорить не захотела. Покрутился-покрутился я – да и поехал домой. На работу устроился, по второму разу поступать готовлюсь – на первый-то курс восстановиться нельзя – и вдруг узнаю, что ребялёночек-то... Тот, которого я у девки-то своей видел. Что он – мой. Представляешь? Тётка, жена дядькина, проболталась.. И между прочим добавила, что мои благородные родители договорились, что любовь моя не будет на меня претендовать, а они за это будут ей платить алименты. До совершеннолетия ребёнка! Вот такие дела. Так что малыш мой у моих стариков сейчас на иждивении.

Он посмотрел мне в лицо, чтобы увидеть мою реакцию, но я вовремя прикрыла глаза.

– Сначала я на стариков обиделся за то, что они так вот чувство моё за деньги купили. Даже из дома уйти хотел. А потом и подумал: хорошо. Они купили. Но есть ведь и те, кто продал. Если бы она не продала, то и они бы не купили. А раз так, то куда мне бежать. К кому? Вот так подумал – и... Остался. Иной раз думаю про себя, что подлец я такой, ребёнка бросил. А потом думается: мать-то его мне ничего до сего дня ведь не сказала. Если бы не тётка-дура – я бы и знать ничего не знал. Значит, никого я фактически и не бросил. Пусть старики его

содержат, если вызвались. А я вот защищусь, начну работать. А там посмотрю – может быть, и приму от них эстафету. А может быть, и нет. Конкретно не думал ещё. В конце концов ведь не я, а они за моей спиной всё это проделали. Вот пусть и несут свой крест на Голгофу.

Он вздохнул, как мне показалось, с облегчением.

– Ну, вот. Теперь ты всё про меня знаешь.

Похоже, что ты прав, малыш. Теперь я знаю про тебя даже больше, чем ты сам.

– Ничего не хочу знать. Достаточно разговоров! Ты так и не понял, для чего я летела сюда? Люби же меня, наконец! Скорее. Иначе я умру от нетерпения, и один лишь ты будешь в этом виноват.

– Так ты... Прилетела только за этим? – восклицает он, не веря своему счастью.

– А тебе этого мало?! Ах ты, дрянной мальчишка! Я бросаю все свои дела, гонимая жаждой любви мчусь к нему на крыльях, а он вместо того, чтобы осчастливить бедную женщину, оскорбляет её своим бездействием... О, да. Да! Да!!

Ибо сказано: кто умножает знание, тот умножает скорбь.

За окном палаты мокрый снег на фоне свинцового неба. Он грязно-белого цвета, но иногда приобретает зеленоватый оттенок. Это значит, что перед глазами опять плывут зеленоватые круги. Тогда я зажмуриваюсь, и становится страшно. Вернее: становится страшно, и я зажмуриваюсь. А ещё вернее: страшно мне всё время, непрерывно, с самого начала. Соседки говорят, что нет практически ни одной женщины, которая не прошла через это хотя бы один раз. Вон, Маруся, которая лежит у двери, смеётся, что ходит сюда регулярно, как в парикмахерскую. Врут. Им всем страшно. Но мне страшнее всех. И не только потому, что я тут впервые. Дело в том, что про них знают. Мужья, любовники. Наконец, матери, соседи, подруги или сослуживцы. И оттого, что знают, они как бы присутствуют здесь, рядом с этими женщинами, и разделяют их страх, отчего на их души приходится уже меньше.

Про меня не знает никто – значит, я тут совсем одна. Дима лично отвёз меня на вокзал, и мы прощались, сидя на моей полке, до самого отправления поезда. Вряд ли он мог знать, что я сошла на пригородной платформе и вернулась оттуда на автобусе. Что же касается мамы, то она пока вообще не в курсе, что я в городе.

Всё уже позади, но страх так и не отпускает. Скорее наоборот: он то и дело переживается заново, и с каждым разом всё острее. В который раз, закрыв глаза, я погружаюсь в этот чёрный туннель с алой точкой посередине. Точка растёт, превращаясь вначале в нестерпимо яркий диск, а затем заливая всё поле зрения. В этом бескрайнем море красного шевелятся какие-то бесформенные тени, и их шевеление порождает ужас, спастись от которого пытаюсь, широко раскрыв глаза. Но когда я их открываю, я вижу безразличный ко мне серый пейзаж перед собой и ощущаю тупую боль и тягостную пустоту внутри себя.

– Мама, здравствуй. Мама, ты мне не рада?

– Рада, – вздыхает она. – Есть будешь?

– Я бы полежала.

Я не уверена, что сказала это вслух.

Мама отстранила меня и разложила диван собственноручно.

– Нечего. Ты ещё не окрепла.

Она укрыла меня своим пуховым платком.

– Что это значит? – сделала я слабую попытку удержать последнюю позицию.

– А что это ещё может значить! – она едва заметно улыбнулась. – «В Сочи на три ночи».

Я бы поразились, если бы не была так слаба.

– Ну, мама, ты даёшь... Откуда?

– Какое там «даёшь»! – машет она рукой. – От тебя же за версту разит этой больницей.

– А где у тебя Миша?

– А Миша у нас записался в кружок программирования и теперь торчит там всё свободное время. Иногда доходит до того, что я чуть ли не силком заставляю его побегать во дворе или поиграть с ребятами в ихний футбол-хоккей.

Интересно, перестанет ли он когда-нибудь меня удивлять?

Бабах-х-х!!!

Ну, что ж. В конце концов, закрыванию дверей там обучать не обязаны.

– Нет, они хотят меня убить. На будущий год вчетверо урезали госзаказ!

Я никогда ещё не видела шефа в таком состоянии.

– Привыкай, Василий Самвелович. Скоро его совсем не будет.

Начфин Турянский вытер вспотевшую шею.

– Это что же, закрывать лабораторию?! – гремит Василий. – Я сейчас же иду к Ульянову.

– Вряд ли это тебе поможет, – устало проговорил Турянский. – Твоей лаборатории и так выделили больше, чем всем другим. Учили большой объём полевых испытаний.

– Это, по-твоему, называется «учли»? Это «учли»?!

Он бросил бумаги с такой силой, что они проехали по столешнице и свалились Турянскому на колени.

– Не горячись, Василий, – сказал тучный Турянский, собирая бумаги. – Так ты сгоришь на работе.

– Я уже сгорел, – не снижая накала, пробасил Кащероносцев и встал из кресла. – Идём. Всё-таки к Ульянову.

– К Ульянову, так к Ульянову, – пожал плечами Турянский.

Мы сидим в предбаннике с Сильвией, пьём её ядовитый кофе и молча думаем о том, что же будет со всеми нами.

– Вчера полдня мотались по Москве, искали ползунки для племянниц, – неожиданно проговорила она. – Так не нашли. Представляешь?

У меня нет племянниц, но эта новость меня поражает.

– Куда всё подевалось? – продолжает она. – Что, все заводы уже стоят? Ни один ещё не остановился.

Я вспомнила, что последнюю колбасную посылку домой мне пришлось набирать по «Универсамам» кусками. Вспомнила и вздохнула. Сильвия тоже вздохнула и замолчала, оставшись наедине со своими невесёлыми мыслями.

Вернулся Кащероносцев и жестом пригласил меня к себе.

– Дело дрянь, – объявил он с видом человека, открывающего страшную тайну. – Ульянов задумался, как бы похерить наш полигон. Говорит, что без этого институт не спасти. Вечером у замминистра соберутся директора всех институтов нашей отрасли, будут думать, что делать с экспериментальным заводом. Хотят набрать коммерческих заказов, чтобы продлить его существование. А я думаю, что ничего из этого не выйдет. По Москве ходят ужасные слухи: на грани закрытия такие заводы, что не нашему чета.

– Что же нам, бедным, делать? – жалобно протянула я.

– Искать спонсора, – ответил он. – Слышала такое слово?

Видимо, при этой новости лицо моё слишком уж вытянулось, потому что он счёл необходимым меня ободрить.

– Не унывай, Люба. У тебя не настолько дорогая программа испытаний. А я считаю, что её можно ещё обрезать до такого минимума, при котором диссертация только-только прошла бы в ВАКе.

– Боюсь, что это будет невозможно. Мы ведь и так оставили самое необходимое.

– Много ты знаешь, «необходимое»! Например, можно спокойно выбросить низкотемпературные исследования.

– Но ведь это совсем уж до нуля снизит практическую ценность работы!

– Нет, она ещё говорит про какую-то практическую ценность. Вся ценность твоей работы заключается в том и только в том, чтобы доказать Совету, что ты сможешь, в случае чего, заниматься научной работой. Хотя, если б моя воля, то я бы и этого не требовал, ибо из всех, кто защищает диссертации, можно по пальцам пересчитать тех, кто после этого ещё занимается наукой.

Интересное наблюдение. Надо будет подумать над этим как-нибудь на досуге.

– Хорошо. А объём?

Он развёл руками.

– Ну-у, дорогая. Если ты до сих пор не научилась набирать объём, то тебя не только до диссертации – до защиты диплома допускать было нельзя.

– Ладно. Допустим, мы сумеем вымарать из программы почти всё, что в ней было. Но то, что останется, тоже ведь потребует каких-то денег. Где мы их возьмём?

– Молодец. Вот это – единственное, о чём сегодня надо думать. Будем искать. Во-первых, что-нибудь обязательно решит наш директор. Давай примем на веру, что он заботится о судьбе института не меньше, чем мы с тобой. Во-вторых, с сегодняшнего дня этими вопросами вплотную займусь я. Пришло время попытаться использовать личные связи. Не просто же так они всё это время наработывались! Ну, и в-третьих, я не стану возражать, если кое-кто попытается использовать и свои связи в тех регионах, где они у него есть. Ведь все или почти все, кто учится у нас, выполняли ранее хоздоговорные работы. А?

– Кое-кто подумает над вашими словами, – ответила я. – Но не исключено, что для реализации этих планов придётся выехать из столицы на довольно длительный срок. Не снизится ли от этого качество личной жизни у некоторых весьма уважаемых людей?

При этих словах я взяла его за большую волосатую руку и проникновенно заглянула в тёмные глаза.

– Обязательно снизится, – сказал он, поглаживая мою от запястья до локтя и далее к плечу. – Но некоторые уважаемые люди отвечают за работу некоторых очень симпатичных аспирантов, а для настоящего мужчины долг и ответственность превыше всего.

Прохладным утром, наступившим сразу после жаркой прощальной ночи, он отвёз меня в Домодедово, откуда я полетела навстречу трудовым свершениям.

– Я чертовски рад тебя видеть.

Он всегда рад видеть меня. Но ещё никогда не было «чертовски».

– Как движется работа над диссертацией? – с ходу интересуюсь я.

– Да... Потихоньку...

Видно, что данная тема его не слишком увлекает. Зато чрезвычайно увлекает совсем другое – то, что быстренько захватывает и меня.

– В тебе появилось что-то новое.

– Знаешь, в тебе тоже.

Банальная отговорка!

Он мягко, но властно ведёт дело к тому, что доселе было известно мне лишь теоретически. Захватывает дух – так непривычно и жутко идти туда! Но ещё труднее сказать ему «нет». И я, зажмурясь, разом ныряю сквозь волны страха и неприятия и почти в тот же момент получаю в награду ни с чем не сравнимое удовольствие от ощущения власти над всем его существом.

Мы сидим нагишом у маленького столика и пьём мой любимый кофе со сливками из больших белых чашек.

– Ты так и не хочешь мне сказать, как движется твоя работа. Дошло ли дело до экспериментальной части?

Мой Аполлон кладёт нога на ногу и улыбается, как мне кажется, снисходительно.

– Оно тебе надо?

– Но мне же интересно! А тебе разве не хочется поделиться со мной впечатлениями от своих занятий?

– В компании с такой женщиной говорить о... О каких-то железках! – восклицает он. – Да ты в своём ли уме?

Он тянется вниз за шампанским, попутно чмокая меня в бедро.

– И всё-таки. Расскажи. Я хочу всё про тебя знать. В конце концов, ты мой ученик

Он вкладывает мне в руку высокий прохладный бокал.

– За любовь, объединяющую учеников и их учителей!

– Нет, я серьёзно.

Слегка пригубив, я ставлю бокал на столик. Упрямство – черта, которой я обязана и своим красным дипломом, и грустным опытом жизни с Борюсиком.

Он залпом выпивает свой бокал.

– А если серьёзно, то я вовсе не собираюсь делать никаких экспериментов. У дядки достаточно материала. Прикинь: за долгие годы целым институтом наворочено столько, что на сотню таких «десертов» хватит. А раз так, то не глупо ли расшибать лоб и ещё чего-то там выкомаривать? Ну, скажи. Или я не прав?

– Конечно, ты прав, дорогой. Совсем ни к чему выкомаривать.

С помощью зубочистки пытаюсь извлечь из бокала с шампанским угодившую туда осу. Она жужжит и сопротивляется.

Дверь в кабинет заведующего кафедрой приоткрыта. Она могла бы быть распахнута настежь – всё равно никто не побеспокоил бы хозяина. Благодатное время всеобщей пустоты в учебных корпусах!

– Ого, кто к нам пожаловал! Привет, москвичка! – раздаётся голос из-под потолка.

Азимов в своём репертуаре – стоит на стремянке и перебирает пожелтевшие пыльные бумаги.

– А я уж и не думала застать вас тут в разгар отпуска. Зашла просто так, на удачу.

– Да решил вот выйти, порядок навести в спокойной обстановке. В учебное-то время не дадут. Сама знаешь, какой тут бывает сумасшедший дом!

Он спускается на землю, тщательно моет руки и только после этого поворачивается ко мне.

– Ну, здравствуй. Как дела? Когда позовёшь на банкет?

– Ой! – отмахиваюсь я. – До банкета ещё... А пока – вот.

Достаю разные ярко раскрашенные баночки и коробочки, которые пока ещё можно добыть в московских магазинах, ставлю чайник – и мы вдвоём принимаемся за дегустацию.

– Тут недавно Дрондин заходил, – сообщает он мне. – Помнишь Дрондина?

Может быть, это и удивительно, но я неплохо помню этого огненно рыжего парня в роговых очках, который учился у меня чуть ли не восемь лет назад. Он заканчивал вечернее, и был мне, кажется, ровесник, если даже не постарше.

– Ты его теперь не больно-то узнаешь. Раздался так... Даже уши уже не торчат. Работает главным инженером. Бородинскую ТЭЦ строит. Приезжал... Вопрос у него был по испытаниям сварных швов – разрыв-машина из строя вышла. Вот он и просил провести серию испытаний на нашем оборудовании. Всем привет передавал! Говорит: если что надо – милости прошу. Денег мы с него за эту работу не взяли. Вот, теперь и думаю: что бы такое с него для кафедры полезное стянуть. У них хозяйство большое, богатое. Не то, что у нас, – дыра на дыре. Тебе, кстати, ничего такого не нужно?

– Ох, Рушан Гарифович. Ещё как нужно! У меня ведь вся экспериментальная часть повисла в воздухе.

Он так и застыл с чашкой в руке.

– Да ты что! Это наши главные институты в таком положении?

– Боюсь, что в ещё худшем. Я ведь рассказала только то, что знаю. А что я больно могу знать – по сравнению с руководством!

– Да-а, – тянет он, и я вдруг замечаю, что его, такое знакомое, лицо покрыто множеством мелких морщин. Они собрались и у глаз, и на подбородке, и даже на щеках.

Административные здания на больших стройках всегда располагаются так, чтобы подъезжать к ним удобнее всего было на самосвалах, если уж вы не располагаете «Катерпилларом», не говоря уже о Т 34. КамАЗ, на котором подъехала я, заодно со мной доставил и тучу пыли, в которой на некоторое время утонуло и здание, и снующие туда и сюда люди.

Поднявшись на второй этаж, я узнала, что моего бывшего студента зовут Александр Иванович (написано на табличке) и что он ожидается только к обеду (поведала секретарша). Меня это совсем не удивляет, поскольку из своего небольшого опыта я уже знаю, что возможность увидеть такое начальство представляется как правило только ранним утром, а поговорить с ним – лишь в обеденный перерыв.

К моему удивлению, он узнал меня сразу.

– Стенд начнут варить прямо завтра. С утра подъезжайте к мастерским и начинайте заниматься. Ну, а приборы уж...

– Приборы мне подвезут, – поспешила сообщить я.

– Хорошо. А вот с жильём...

Он задумался на некоторое время.

– Гостиница у нас на выходе. Принять постояльцев сможет, наверно, только через месяц. А пока...

Он снял трубку телефона.

– Алло. Мария Ефимовна? Что у нас в третьем общежитии? Что? Прямо совсем-совсем? Ах, да: бетонщики. Да-да, я забыл... Пока.

– Дело обстоит неважно, – сказал он, обращаясь ко мне. – Общежитие заполнено под завязку. У нас там прикомандированные – бетонщики-трубоклады из Новосибирска.

– Может быть, есть какое-нибудь другое? – с надеждой проговорила я.

– Есть, – вздохнул он тяжело. – Да не знаю, пойдёте ли вы туда.

– Пойду! – с жаром воскликнула я.

– Не знаю, – продолжал он, как будто не слыша меня. – Сборное такое общежитие. Кто там только не живёт: и семейные, и одинокие, и «химики», и разная вербота. Где женщины, где мужчины... Одним словом, дурдом. Кстати, его в народе так и зовут – «Дурдом».

– Но вы сказали, что живут и семейные... – робко вставила я. – Я попробую.

– Ну, что ж, – вздохнул он. – Давайте, переночуйте хотя бы эту ночь. А там посмотрим.

Комендантша с оцинкованным ведром в руке обшарпанным коридором проводила меня в так называемую гостевую комнату.

– Лучше всего запритесь на засов и до утра никому не открывайте.

– А если мне понадобится выйти? Например, в туалет?

– Сходите ночью. Лучше всего часа в три.

– А если понадобится раньше?

– А если раньше, то вот.

Она поставила передо мной ведро.

– Вопросы есть?

О вопросах не могло быть и речи.

Оставшись одна, я медленно сжевала прихваченный ещё из дома бутерброд, запила его газировкой из бутылки и уселась на визгливую железную кровать. Потянулась было за сигаретами, но проникающий в щели посторонний табачный дым отбил желание курить. Я раскрыла окно и сидела, прислушиваясь к отдалённому гулу станции. Она светила ранними огнями, кое-где посверкивала звёздочками электросварки, клубилась белыми дымами градириен и чёрными – битумных котлов. Дымы изворачивались как облака, и я плыла среди них на воздушном шаре, держа за руку Диму, который бесконечно говорил мне что-то, чего я не могла разобрать, но от чего мне становилось всё легче и приятнее...

Громкий стук в дверь ворвался в эту картину внезапно и бесцеремонно..

– Кто там?

– Открывай! – прокричал хриплый голос, и следом за ним другой, более высокий, проблеял: «Пожа-ар!»

– Открывай, тебе говорят! – требовательно повторил тот же хриплый и заколотил в дверь уже, похоже, ногами.

Мало чего понимая спросонья, я отодвинула засов. Дверь отлетела, и в комнату ввалилась огромная тень. Она пошарила по стене, щёлкнула выключателем, и по моим глазам хлыстом ударил безжалостный свет обнажённой стопятидесятисвечевой лампы. Вошедшая тень оказалась верзилой с лицом, и цветом, и формой напоминающим обожжённый кирпич. Он был обут в кирзовые сапоги и одет в сатиновые трусы, синюю майку и такого же цвета татуировки. Из-за него выглядывали две ухмыляющиеся хари помельче.

– Ты чего не открывала? – прохрипел верзила, усаживаясь на единственный стул, за которым в шеренгу выстроились его тщедушные оруженосцы.

Я молчала, скованная неожиданностью и страхом.

– Чего не открывала, я тебя спрашиваю? – продолжал он импровизированный допрос. – Тут, между прочим, комната свиданий.

Мелкие за его спиной гаденько захихикали.

– Вот-вот. Свиданий, – под одобрительное блеяние продолжал он. – Сюда приезжают бабы к нам на случку. Хорошие бабы, между прочим, привозят...

Он щёлкнул пальцами, и прихлебатели мгновенно выставили на стол початую бутылку водки и два гранёных стакана. Солёный огурец они положили прямо на покрытую тусклым пластиком столешницу, и от него сразу покатился тоненький ручеек. Верзила наполнил стаканы водкой и протянул один мне. Я отстранилась. Тогда он грязным пальцем свободной руки указал на меня и рявкнул:

– Взять!

Налетевшие с двух сторон прихлебатели заломили мне руки за спину, а верзила, обойдя стол, схватил меня за волосы и запрокинул голову.

– Пей, сука!

Водка обжигала рот, губы, горло, текла по шее и дальше, смачивая рубаху и холодя соски.

– Держите, не отпускайте.

Он прошагал к двери и закрыл её на засов. Потом подошёл ко мне и, задрав мне веки, заглянул в глаза.

– Мало. Надо ещё.

С этими словами он взял со стола другой стакан и стал вливать его содержимое мне в рот. В этом стакане водка уже не имела ни запаха, ни вкуса, словно вода, и всё, что происходило потом, было как будто не со мной.

– Вы будете писать заявление?

Плохо выбритый морщинистый капитан склонился надо мной. Сквозь тяжесть, осевшую у меня в голове, я увидела фуражку, родимое пятно на его виске и потолок с жёлтыми разводами.

– Заявление?

Верзила, прикованный к двери наручниками, хмыкнул.

– Какое заявление, начальник! Она нас в гости позвала, водки за наш счёт нажралась и всем троим дала. А мы-то за что должны отвечать?

Комендантша, подпирая дверь, смотрит на меня и скалит белые акулы зубы.

– Я предупредила её, чтобы в комнату не пускать посторонних. Но эта... Сама им всё пооткрыла! Видно, по мужику соскучилась.

– Так вы будете писать заявление?

Заскоружлыми пальцами капитан неловко складывал бумаги в жёсткую папку. Повернув ко мне своё изрытое годами лицо, он повторил ещё раз:

– Будете?

Я лежала на равнодушной железной койке, прикрытая спущенной полотняной рубахой. В голове сидел тяжёлый туман, а между ног – чужая саднящая боль.

– Ну, как знаете.

Капитан поднялся со стула и, оборотясь к верзиле, сказал:

– А ты у меня всё равно пойдёшь по возврату. «Подвигов» на тебе уже... Так что – статьёй больше, статьёй меньше.

– Это смотря какая статья, начальник! – ощерился верзила и подмигнул комендантше, которая расплылась в ободрительной улыбке.

Проходя мимо, он попытался потрещать меня по щеке, но капитан с силой дёрнул его за окованную руку и треснул папкой по затылку.

Я накинула халат и по выщербленной лестнице спустилась в душевую. Вода – то ледяная, то огненно-горячая – вырывалась из ржавой лейки и хлестала по коже, ключьями сдирая то тёмное и гадкое, чторосло на мне за прошедшую ночь.

Остывая после душа, я лежала на постели, глядела в потолок с жёлтыми разводами и думала о том, как хорошо было бы сейчас сделаться маленькой-маленькой – как вон та чёрная муха – и улететь отсюда к чёртовой матери. Навсегда.

Где-то вдалеке пикает двенадцать, и я решаю, что, раз уж приходится оставаться в прежних габаритах, то надо хотя бы одеться. Из зеркала на меня смотрит жалкое бесцветное лицо с огромными чёрными кругами под глазами. Вот ещё новости! Тру их влажным пальцем, но они и не думают исчезать. Опустившись на кровать, машинально вытаскиваю из торчащей из-под неё сумки прихваченную ещё из Москвы шоколадку. И она в конце концов примиряет меня с действительностью.

Тротуар, выложенный железобетонными плитами, не очень широк, и для того, чтобы разминуться со встречными, приходится задерживать шаг и отклоняться. Проходя мимо, все они, как мне кажется, смотрят на меня с любопытством и насмешкой. Особенно женщины. Но их, по счастью, попадаетея значительно меньше, чем мужчин, и я добираюсь до мастерских более или менее спокойно.

– Так это вы? – спрашивает седоусый мастер в очках и с огрызком карандаша, заткнутым за ухо.

«И ты, старик, тоже туда же!» – думаю я почти со злобой.

Он разворачивает передо мной бумагу, которая оказывается чертежом моего стенда.

– Ваш?

– Да! – радостно отвечаю я, сообразив, наконец, что в словах пожилого человека не крылось никаких двусмысленностей.

Он задаёт вопросы, делая в чертеже пометки карандашом, и я с удовольствием отвечаю, поясняя, соглашаюсь или настаиваю – и это занятие увлекает нас обоих.

– Ну вот, теперь всё ясно, – говорит он наконец, засовывая карандаш обратно за ухо. – А если бы вы пришли с утра, то мы бы сейчас уже всю варили.

– Не получилось с утра, – отвечаю я уже почти весело. – Проспала. Больно уж хорошо принимаете!

Он улыбается, и глаза его лучатся добрыми морщинками. Я прощаюсь и, лишь отойдя на несколько шагов, внезапно соображаю, что от меня, должно быть, крепко несёт перегаром.

Девушка в застеклённой будке призывно машет рукой.

– Главный просил, чтобы вы зашли к нему в конце дня.

Конец дня уже не за горами. И вопрос стоит почти по Гоголю: «Чи к главному, чи в „дурдом“?..»

К главному легче.

– Ну, как там, в мастерских? – интересуется Александр Иванович, выйдя из-за стола и отставляя для меня стул. – Всё ли в порядке?

– Всё хорошо, – отвечаю, стараясь дышать в сторону. – По-моему, дело в надёжных руках.

– Захарыч – наш лучший мастер, – говорит он, вынимая из стенового шкафа пузатую рыжую бутылку и два бокала. – Коньячку?

По привычке я собираюсь отрицательно замотать головой. Но вовремя спохватываюсь. Мы выпиваем по глоточку под лимон, по второму под шоколадку и ещё по одному просто так, и мне уже не нужно следить за своим дыханием.

– У меня для вас новость, – сообщает главный с интригующим видом.

– Ой, как интересно! И какая же это новость?

Изображаю крайнюю степень заинтригованности, чтобы не разочаровывать хорошего человека.

– Замечательная. Сегодня шеф отбыл в загранкомандировку и разрешил вам поселиться пока в его комнате отдыха.

– Ура! – восклицаю я, попутно следя за тем, как коньячное тепло разливается по телу.

– Идёмте, я вам покажу.

Комната напоминает номер в отеле средней руки, но после «дурдома» она кажется мне как минимум президентскими апартаментами. Я тону в большом кресле, обшитом мягкой складчатой кожей, Саша располагается в соседнем. Мы смотрим друг на друга и смеёмся. Я – от захватившей меня тёплой волны, которая расслабила моё тело, наполнила приятным ощущением парения, унесла прочь все грузы и тяжести и в мгновение ока вырастила где-то внутри непоколебимую уверенность в том, что теперь всё будет только хорошо. А он... Не знаю. Наверное, за компанию.

– Надо бежать за вещами, – говорю я, вытирая слёзы.

– Никуда не надо бежать. Мы пойдём за ними шофёра.

Он поднимает трубку и даёт ей какие-то указания.

Минут через пятнадцать, когда шофёр вносит мой чемодан, Александр Иванович деликатно целует мне руку и желает спокойной ночи. Я остаюсь в кресле и, прислушиваясь к себе, пытаюсь понять, откуда пришло чувство неловкости, которое всё время сидело где-то в дальнем-дальнем углу, но то и дело высывалось и мучило меня в течение вечера, не исчезая полностью даже в самые светлые минуты. Вдруг догадка пронзает меня так, что я съеживаюсь и сижу, не в силах подняться с кресла. Я отчётливо вспоминаю, что при всей внимательности ко мне он ни разу не поинтересовался, как я провела прошедшую ночь.

Крохотная точка появляется из-за главного корпуса и, стремительно приближаясь, превращается в малиновую «девятку». С грохотом сбегая по ступеням, чтобы очутиться в объёме

тиях. Но он своим видом показывает, что перед окнами управления, пожалуй, не стоит. Мысль вполне благоразумная.

– Как доехал?

Пытаюсь повеситься на него в машине, но мешают какие-то коробки.

– Это твои приборы. Показывай, куда!

Никак не могу сообразить, что он имеет в виду.

– Что?.. Ах, да! Сначала прямо. А вон там, за экскаватором, бери левее.

Навстречу один за одним идут КамАЗы с дымящимся асфальтом в кузовах. «Бетонка» довольно узкая, и ему никак нельзя отвлекаться. И мне остаётся созерцать его загорелый профиль и балдеть от счастья.

– А где тут у вас обедают? – интересуется он, едва выгрузив приборы.

Господи! Как я могла об этом не подумать!

Час неурочный, и во всей столовой – только две девушки в робах в дальнем углу, у пальмы.

– Ну, как ты тут? – осведомляется он, допивая клюквенный напиток и уходя от моей попытки взять его за руку. – Говорят, живёшь у начальника?

Надо же. Я как раз думала, как протащить его к себе, не дожидаясь окончания рабочего дня. Ты просто читаешь мои мысли, дорогой!

– Курить страшно хочется.

На лавочке у врытой в землю бочки сидят три мужика. И, хотя они не смотрят в эту сторону, наш разговор никак не может разгореться.

– Вот это ключ от моей комнаты, – говорю я ему полущёпотом, надеясь, что мужики на скамейке погружены в свои мысли достаточно глубоко.

– Что?.. А, да, – он машинально берёт ключ и начинает вертеть его в руках.

– Тот самый. «От начальника», – пытаюсь я улыбнуться.

Он глядит на часы.

– Я должен возвратиться засветло.

Три мужика, молча глядящие перед собой, помогают избежать объяснений. У машины он берёт меня за руку. Я зажмуриваюсь от удовольствия, а когда открываю глаза, вижу двух девок в робах, – тех самых, что вышли из-за пальмы. Они проходят рядом, съедая его глазами, – и он ретируется в кабину.

– Пока!

Малиновая «девятка» ловко вклинивается между КамАЗами. Я возвращаюсь на лавочку, где уже нет никаких мужиков, и закурываю сигарету. Вкус её оказывается отвратительным.

Из кабинета Дрондина доносятся звуки классической музыки. Знакомое всему миру «Лебединое озеро». Двое субподрядчиков, ожидающие в приёмной, негромко переговариваются между собой.

– С самого утра сегодня передают. Что это вдруг?

– Может, у них опять кто-то «крякнул»?

– Да вроде некому. Старички уже все подобрались как будто.

– Может, Мишка?

– Ми-ишка! Да он ещё всех нас переживёт.

– И на уши поставит.

– Нет. А всё-таки, в чём же дело?

Секретарша, появившаяся из-за двери, кивает мне:

– Проходите. Александр Иванович ждёт.

Под косыми взглядами обойдённых очередью «субчиков» прохожу в кабинет. Дрондин встаёт навстречу мне и, усадив в кресло, кивает на работающий телевизор.

– Как вам это нравится?

В недоумении пожимаю плечами.

– Какая-то заваруха. Я уже звонил в главк – там помалкивают. Мы, мол, не больше твоего знаем. Вот я вас и позвал, чтобы попросить: позвоните в ваш институт. Может, там, в Москве, что-нибудь скажут.

Сквозь шипение и треск до слёз любимой связи прорывается гортанный голос Сильвии.

– Люба? Здравствуй, Люба! Как ты там, на-а курорте? Шеф только вчера про тебя говорил. Что? Он сейчас у Ульянова, на Совете. Что-о? У на-ас? А у нас тут война. Горбачёва снимают.

Дрондин озадаченно смотрит на меня.

– Значит, всё? Побаловались демократией – и будет?

Я честно пытаюсь сообразить, чем моя жизнь теперь будет отличаться от той, что была, скажем, вчера. И с отчаянием вижу, что не могу.

В мастерской все сгрудились вокруг Захарыча.

– Слышал важное правительственное сообщение? – волнуется толпа.

– Слышал, – усмехается он, продолжая замерять штангенциркулем какую-то мелкую деталь.

– И что будет?

Вопрос на какое-то время повисает в воздухе. Наконец Захарыч откладывает штангенциркуль и машет рукой

– Этих ски-инут!

Слова звучат уверенно, даже обыденно, и толпа разжиживается и тает. Мужики уходят в курилку, ещё продолжая обсуждать события дня, но уже как-то лениво и между прочим – словно футбольный матч между двумя командами, случайно захваченными бог весть откуда.

Захарыч поворачивается ко мне.

– Ну, что. Всё готово. Можете забирать!

Мой стенд красуется посередине пролёта и благоухает ещё не вполне просохшей краской. Когда эту махину грузят на платформу панелевоза, становится немного жутковато. Когда её водружают на выделенную мне площадку возле старой весовой, – ненадолго вспыхивает чувство причастности к чему-то грандиозному.

Накладывая повязку молодому рабочему, повредившему при монтаже руку. Демонстрируя забинтованное запястье окружающим, он изрекает с важным видом:

– Теперь буду всем говорить, что пострадал во время путча.

Рабочие со смехом удаляются и оставляют меня наедине с моим железом. Я настраиваю приборы, записываю в журнал их начальные показания, и всё, что не относится к этому делу, улетает далеко за горизонты.

Ночью пошёл дождь, и обнажённая киловаттная лампа разлетелась вдребезги. Пришлось в огромных количествах жечь спички, чтобы освещать шкалы приборов. Наутро заявился яркий брюнет в новенькой робе, посланный, чтобы сменять меня на день. Выслушивая мои пояснения, как и что надлежит делать, он умудрился обхватить меня сзади за талию и напороться на мой испепеляющий взгляд.

– Подумаешь, – обиженно протянул он. – «Дурдомовским», значит, можно, а мне нельзя?

Никогда не думала, что можно так отшибить ладонь о человеческую щёку. Убежала в весовую и, разминая её, через окно наблюдала за потерпевшим. И только часа через два, убедившись, что, несмотря на физическую и моральную травму, он не намерен дезертировать с трудового фронта, позволила себе удалиться, чтобы немного поспать.

Володя – это его имя – оказался парнем толковым, деловым и даже приятным. В конце концов всё у нас могло и получиться, но, к сожалению, после той неудачной попытки он безнадежно утратил инициативу.

– Нет, Любовь Сергеевна, что хотите: металл, рабочие, стройматериалы, энергоресурсы. Всё пожалуйста! Но липовую справку я вам выдать не могу.

– Да вы что, Александр Иванович. Обижаете! Разве я прошу липовую?

Дрондин, маршировавший до этого по кабинету, аж остановился с открытым ртом.

– Так вы... Вы хотите это своё...

Он не нашёл нужного определения и потому перешёл сразу к концу фразы.

– Это вот... Реально... Внедрить?!

– Конечно, – отвечаю я с самым простодушным выражением лица.

– Ну, знаете, это уже слишком. Мы так не договаривались.

– А что мешает? – продолжаю я изображать святую наивность.

– «Что мешает»! Да хотя бы то, что просто негде. Главный корпус почти закончен, остальные объекты тоже на выходе.

– А весовая?

– Ну-у, весовая! – машет он рукой. – Это когда ещё будет. И потом, мы пока ещё не решили, что с ней делать. Может, просто старую реконструируем, да и всё.

– Но ведь в проекте предусмотрено строительство новой.

– Вот-вот, «в проекте»! – радостно уцепился он за ключевое слово. – Это же всё надо с автором согласовывать.

– Надо, – тяжело вздыхаю я.

– Вот видите!

– Так давайте согласуем.

– Да кто будет согласовывать! У нас конец квартала, запарка, каждый человек на счету.

– А вы пошлите меня.

– Вас?!

Сперва эта мысль кажется ему забавной, потом начинает раздражать, но через какое-то время он смиряется, и я еду за билетами.

Алма Ата совсем не похожа на столицу независимого государства. Ещё встречаются там и сям надписи на русском языке вроде «Газеты и журналы» или «Народ и партия едины!» В институте, куда я прихожу, в коридорах и на лестницах курят, играют в пинг-понг, в мастерских пьют чёрный кофе, сплетничают, слушают радио, двигают шахматные фигуры. На секунду даже кажется, что я снова в Москве.

Бредихина, главного инженера нашего проекта, я застаю в его кабинете за кормлением аквариумных рыбок.

– Бородинское? О-о-о! – радостно восклицает он. – Ну, как у вас дела? Далеко ли до пуска?

Увидев мои чертежи, он поднимает трубку внутренней связи и приглашает какую-то Лизу. Пухленькая Лиза в легкомысленном розовом костюмчике появляется не скоро. Он жестом приглашает её подойти.

– Мы уже кому-то согласовывали такие конструкции. Не припомнишь, кому?

На лице Лизы вырисовывается брезгливое недоумение. Понаблюдав за этим несколько секунд, он со вздохом говорит:

– Принеси-ка мне Караганду.

– Караганду-у?.. – капризно тянет Лиза, после чего принимается виртуозно держать паузу.

– У тебя в третьем шкафу, – нетерпеливо прерывает её Бредихин и, очевидно, желая скрыть от меня своё смущение, начинает рыться в нижнем ящике стола.

– Так что, нести? – говорит она так, словно размышляет вслух.

– Неси, неси, – отвечает он ей из глубин стола и не поднимает головы, пока остеклённая дверь, задрапированная ватманскими листами, не захлопывается за её круглой попкой.

– Ну, так и есть, – говорит он, когда большой альбом с красным корешком, наконец, водворяется на его стол. – Можете поглядеть.

Гляжу в альбом и вижу знакомые контуры.

– Да, это те же конструкции, разработка нашего института. Только там наши сотрудники изучали несколько иной аспект...

– Это всё равно, – перебивает он меня. – Раз конструкции те же, то и вопросов нет. Считайте, что вам повезло.

– Лиза!

Бредихин хочет дать ей поручение, но его взгляд запутывается в пышном бюсте помощницы, и он на ходу меняет намерение.

– Лиза, позови Сакена.

– О! Так это уже другая страна, – говорит Сакен, хитро щуря и без того узкие глазки. – Пусть в долларах платят!

– Ладно, – машет Бредихин. – Тем лучше. Проштампует – и с плеч долой.

– В следующий раз уже, наверно, без визы не приедут.

– Не приедут, – словно эхо, повторяет Бредихин и, проводив Сакена взглядом, оборачивается ко мне.

– Вы где остановились?

Узнав, что в «Казахстане», глядит на меня с подчёркнутым уважением.

– Не хотите ли вечером отдохнуть? Тут, в окрестностях, очень красивые места. И есть куда заглянуть.

Перспектива одинокого вечера в чужой стране увлекает не очень, и я соглашаюсь.

Он виртуозно ведёт машину по змеящейся горной дороге. То и дело открываются картины, подобных которым мне не приходилось видеть, кажется, никогда. Компания, состоящая из уже знакомых Лизы и Сакена, пытается развлекать меня разговором, но, почувствовав мою погруженность в молчаливое созерцание, переключается на темы внутреннего пользования, в которых фигурируют лица, знакомые лишь им троим, в обстановке, только им же и известной, и попадающие в ситуации, которые могут оценить лишь они.

Так и не успев досыта надышаться поразительно чистым, звонким горным воздухом, я вместе со всей честной компанией оказываюсь в уютном ресторанчике, где меня наперебой угощают вкуснейшим лагманом и предельно сладким азиатским вином. Вино пьют все, кроме Бредихина, и я наматываю это себе на ус. Позже, когда мы все неожиданно для меня оказываемся в сауне, это обстоятельство принимается мной за основу, определяющую моё дальнейшее поведение, – и моим гостеприимным хозяевам так и не удаётся превратить мероприятие в банальную оргию. Обманутыми в своих ожиданиях оказываются как опекающий меня Сакен, так и Лиза с Бредихиным, незаслуженно лишившиеся сладкого свидания (по-моему, это уже просто свинство с моей стороны). Когда я, сытая, довольная и чистая, улеглась в шикарную постель в своём номере, кто-то несколько раз стучался в дверь. Но я не стала обращать на это внимания.

Наутро, поднявшись в Ту-154 над белыми вершинами, среди которых было так хорошо вчера, я думала о том, что три великовозрастных пакостника в Пуще разломали мою страну просто из любопытства, желая посмотреть, что из этого выйдет. Подобно тому, как малолетние подонки надувают через соломинку лягушку, чтобы потом наступить на неё ногой и посмот-

реть, как она лопнет, или отрывают голову голубю, чтобы повеселиться, глядя, как он будет крутиться по земле, безуспешно пытаясь подняться на лапки.

«Что, вы сказали, вас беспокоит? Выделения? Ну-у, это не женщина, у которой их нет.» – Лысеющий доктор, тщательно моя руки, смотрел на меня поверх очков. – «Но мазочек мы всё-таки возьмём. Просто на всякий случай.»

Сажу в своей любимой «Лакомке» и переживаю эту недавнюю сцену в консультации. И как сегодня рухнула последняя надежда на то, что всё обойдётся.

Вот уж действительно: не можем знать мы значения происходящего. Как бы плохо ни было мне сейчас, а всё-таки легче от сознания того, что Создатель не дал мне стать – хотя бы и невольной – причиной чьих бы то ни было безвинных страданий.

В памяти всплывает лицо дурдомовского верзилы, и кулаки сжимаются сами собой. Эх!..

Вслед за этим по спине пробегает неожиданный холодок, и мои кулаки слабеют. Вспоминаю всю ту «тройку» и застываю от внезапной мысли, что кто-то из них, возможно, так и будет всю жизнь считать, что заразился от меня. И самое гадкое – то, что он будет прав. Господи, что же я так несчастна! Даже не знаю, на кого могла бы обрушить свой гнев. Хотя... Все трое хороши. И зараза им поделом!

Но эта мысль не утешает. И даже не успокаивает.

Однако, надо на что-то решаться.

На столе передо мной недопитый кофе и тарелка с нетронутыми эклерами. Машу на них рукой и выхожу на улицу.

Трубка телефона-автомата прикована к будке собачьей цепью.

– Эвелина Марковна? Здравствуйте. Это Люба Бу... Просвиркина. Что? Помните? Рада. Эвелина Марковна, вы мне не подскажете, как найти Люду?

Не проходит и часа, как мы вглядываемся в лица друг друга, пытаюсь так разглядеть все возникшие за годы изменения, чтобы каждая из нас могла как-нибудь считать, что подруга совсем не замечает этого. Людмила показывает семейный альбом с фотографиями мужчин, женщин и разных карапузиков.

– Вот, – останавливает она моё внимание на фото, где снята с мужем. – Была Зверева, стала Лисицына. Судьба!

По тому, как она хихикает, говоря это, я понимаю, что имею дело с дежурной семейной остротой. Улыбаюсь в ответ, холодея от мысли, что скоро, очень скоро мне придётся открыться перед ней, и ещё – от боязни, что она заметит фальшь этой улыбки, и тогда открыться будет ещё труднее.

– Он у тебя тоже врач? – говорю я, чтобы поддержать разговор.

– Нет. Он всего лишь шофёр на «скорой».

Она внимательно смотрит, пытаюсь уловить мою реакцию, и я снова ощущаю неловкость.

– Был бы человек хороший, – прячусь я за расхожую фразу, и потому, как она ухватывается за неё, вижу, что не промахнулась.

– Вот-вот, – с жаром говорит она, отчего становится ясно, что их семейный союз выдержал не одну атаку её рафинированных родственников, не исключая, разумеется, и Эвелину Марковну.

– А ты? – спрашивает она, вероятно, из чистой вежливости, потому как на протяжении моего краткого отчёта о прожитых в отдалении от неё годах взгляд её плавает, останавливаясь на посторонних предметах, и приобретает живость и блеск только лишь когда я заканчиваю вопросом о её потомстве. Заговаривая о своих отпрысках, она преображается, демонстрирует множество фотографий, игрушек, вещей и сувениров, нимало не сомневаясь в том, что созерцание этого хлама доставляет мне такое же удовольствие, как и ей. Только теперь, когда она

носится по комнатам в поисках очередного мишки или ваньки-встаньки, я замечаю, как она округлилась и обабилась.

Эта мысль придаёт мне смелости, и я, уловив момент, излагаю ей истинную цель своего визита.

– Ой-ой-ой, – совсем не по-врачебному качает она своей круглой головкой, и я чувствую, что совсем не стоит говорить ей о происшествии в бородинском «дурдоме». Приходится на ходу сочинять историю о несчастной любви к молодому донжуану, который, конечно же, оказался редкостным подлецом. На моё счастье, детали её интересуют не очень.

– Я инфекционист, – поясняет она. – Это, как ты понимаешь, не совсем то, что тебе нужно. Но вообще-то мне приходилось этим заниматься. Так же вот, – она безжалостно кивает в мою сторону, – знакомые обращаются. Недавно «его» брата лечила. Он «дальнобойщик», а с ними там всякое случается.

Она заговорщически подмигивает.

– В общем, не бойсь, Любка. Времена сейчас... Медицина сделала большие успехи. Всё это излечивается бесследно. Главное, что не СПИД!

Мы прощаемся и, провожая меня к двери, она в суматохе как-то забывает о высказанном ранее предложении познакомить меня со своей семьёй.

– Любовь Сергеевна, здравствуйте! Сколько зим, сколько лет!

Полнощёкое лицо нашей «классной» Софьи Ивановны расплывается в широкой улыбке, и родители со всех парт оборачиваются, чтобы посмотреть на меня.

– А бабушка? С ней ничего не случилось?

– Нет, спасибо. Всё в порядке.

– Значит, просто решили лично поинтересоваться успехами вашего «вьюноша»? Похвально. А то у нас тут...

Она оглядывает аудиторию, которая с шумом прерывает созерцание моей персоны.

– ... Есть такие, кого мы не видели и подольше. Правда?

Она недвусмысленно смотрит в дальний угол, и я, скосив глаза, вижу там незнакомого мужчину с густой тёмной шевелюрой, пронизанной серебряными прядями. Под взглядом «классной» он трогательно опускает глаза.

– Ну, что ж. Тогда с вас и начнём, – вновь обращается ко мне Софья Ивановна. – Тем более, что с вами проще всего. В этом году Миша стал меня радовать. Прямо – тьфу, как бы не сглазить. Вот: математика, физика – сквозные пятёрки. Победы на двух олимпиадах. Вы в курсе?

Бормочу в ответ что-то невнятное и чувствую, как начинают пылать щёки.

– Вот так. В общем, у меня вкратце всё. Если хотите подробнее, то попрошу вас задержаться после собрания.

Щёки продолжают пылать. Они как будто светятся в темноте. И этот нескончаемый кашель, который словно выворачивает наизнанку маленькое содрогающееся тельце.

– Коклюш, – говорит фельдшерица в халате, натянутом поверх овчинного полушубка. И неожиданно твёрдо командует:

– Открыть окно!

– Вы в своём уме?! На улице двадцать градусов мороза.

Я хватаю её за руки, но она неумолима.

Морозный воздух врывается в комнату. Мишенька, закутанный в одеяло так, что из него торчит лишь крохотное личико, начинает кашлять реже и легче. И, наконец, облегчённо затихает.

– Комнату проветривать, – безжалостно произносит эскулапиха, заполняя маленькие клочки бумаги крючками и закорючками. А я смотрю на её лицо и никак не могу определиться: расцеловать мне его или разодрать ногтями.

Родители сгрудились вокруг Софьи Ивановны птичьим базаром.

– Я вам не помешаю?

Мужчина с тёмной шевелюрой садится за парту передо мной, и мы оба оказываемся в стороне от общего галдежа. Серый в ёлочку пиджак сидит на нём безукоризненно.

– Колокольчикова Света, – произносит Софья Ивановна, когда последняя родительница выпархивает из класса.

Она склоняет голову и на заднем плане, за широкой спиной, видит меня.

– Вы тоже задержались? Очень хорошо. Нам есть о чём поговорить. Но сначала давайте отпустим папу Колокольчикова. Вы согласны?

Папа с необыкновенной лёгкостью подскакивает к учительскому столу. Он высокого роста, но, разговаривая с «классной», не приседает и не сутулится. И тем не менее они говорят как будто на равных. Ей не приходится ни вытягивать шею, ни заирать голову.

«Была Зверева, стала Лисицына», – вспоминается ни с того ни с сего Людкина фраза. Колокольчиков... Забавная фамилия для такого крупного экземпляра.

– Значит, Света, – негромко говорит Софья Ивановна. – Ну, что вам сказать!..

Она задумывается на мгновение.

– Конечно, балет... Да, балет!.. Кстати, как у неё там успехи?

– Не знаю, – смущённо отвечает папа.

Она удивлённо вскидывает брови, но, не отвлекаясь, продолжает.

– Как бы ни сложилось у неё в будущем, важно то, что она уже приобрела на этих занятиях. Это, конечно, осанка. Движения. Походка. Не заметить этого просто невозможно!

Мужчина потупил взор и стал похож на провинившегося школьника.

Она бросила на него прямой взгляд.

– Отсюда всякие осложнения...

Помедлила, повела головой.

– ...Мальчики.

Мужчина продолжал стоять, потупив взор.

– Конечно, в их возрасте это довольно естественно. Но тут другое. Свету нередко провожают в школу и встречают с уроков совсем взрослые молодые люди. И вот это уже настораживает. Однажды она пришла на школьный вечер с офицером! В общем, я прошу вас...

Она заглянула в свою тетрадку.

– Я прошу вас, Валерий Аркадьевич, уделить этому вопросу самое пристальное внимание.

– А как у неё с учёбой?

«Классная» вздохнула.

– С учёбой пока слава богу... Но вы, главное... Поймите. Она ведёт себя с одноклассниками так... Как взрослая женщина с детьми! Как будто знает что-то такое, до чего они ещё не доросли. Вас это не смущает? Конечно, мне было бы удобнее поговорить об этом с её матерью...

– Да-да, – поспешно подхватил мужчина. – С матерью. Я со своей стороны...

– Ну, вот и замечательно.

Не дав ему договорить, оборачивается ко мне.

– А вас я должна обрадовать. Недавно прошёл педсовет, на котором принято решение рекомендовать Мишу в математическую школу. Конечно, это ещё надо утвердить там... – скосила глаза на потолок. – Но, пожалуй, можно считать вопрос уже решённым. Меня уполномо-

чили узнать, как вы к этому отнесётесь. Учтите, что кандидатур гораздо больше, чем мест! – возвысила она голос, увидав, что я собираюсь открыть рот.

Как отнесусь я? Это любопытно. Никто даже не думает поинтересоваться, как к этому отнесётся он. А он у меня уже давным-давно решает всё сам.

На ступенях, по которым я когда-то привела его за ручку в первый класс, тускло отсвечивает ледяной панцирь. С опаской ставлю свой каблук – и...

– Осторожно!

Кто-то подхватывает меня под локоть.

– Надо же как-то держаться.

Конечно, надо. Но на таких крылечках почему-то никогда не бывает перил.

Он одет в подбитую мехом куртку и шапку светло-серого каракуля.

– Вы военный?

– Да как будто нет.

– Странно. Мне почему-то представилось, что вы – военный моряк.

– Не-ет.

Он улыбается широко и открыто.

– Хотя и имею к морю некоторое отношение.

Интересно: какое отношение к морю можно иметь в нашем до предела сухопутном городе.

– А я живу не здесь, – отвечает он моему удивлённому взгляду.

– Вот как!

– Да. И давно.

– И где же, если не секрет?

– О, во многих местах. Анадырь, Корсаков, Северодвинск. И ещё...

Он машет рукой.

– Но с этого года в Питере. Правда, не знаю, надолго ли.

– А как же...

– Света? Это моя дочь.

Его лицо приобретает озабоченный вид.

– С её матерью мы разошлись давно, ещё в первом классе. То есть, я хочу сказать: когда Света была...

Я понимающе трясую головой и внезапно вспоминаю эту женщину, мать Светы, – блондинку с большим ртом и крупными руками. Пытаюсь поставить её рядом с ним, но из этого ничего не выходит.

– Я – механик, конструктор. Мне предложили интереснейшую работу в Питере. А она отказалась уезжать.

– Отказалась? В Питер?!

Он хохочет. Несмотря на громкость, смех его звучит довольно приятно.

– Так мы, аборигены, называем Петропавловск Камчатский.

Теперь мы уже смеёмся вместе.

– Так вы оттуда?

– Нет, – отвечает он, вытирая слёзы. – Теперь я уже «оттуда». Из Ленинграда.

– Из Санкт-Петербурга.

– Для меня он ещё Ленинград. Санкт-Петербург – это что-то другое.

– Вы там бывали и раньше?

– Я там учился.

– Университет?

– ЛВМИ.

Гостиничный ресторан почти пуст. Вместо люстр светятся лишь редкие лампы на столиках. Но оркестр играет. Тихие мелодии льются медленно, словно нехотя. Полумрак, игристое вино, опытный партнёр в танце – и вот уже не существует ни рук, ни ног, ни оркестра, ни зала. Есть только танец, праздник движений, в котором растворяется и плывёт всё моё существо – безмолвное и бестелесное. «Вам холодно?» – «Нет-нет.» – «Отчего же вы так дрожите?» – «Я дрожу?» – «Да. Вы словно лист на ветру.» – «Как поэтично: лист на ветру.» – «Поднимемся ко мне в номер?» – «О, да. Да. Да...»

– Нет!!!

Дорогой мой, милый, желанный Валерий Аркадьевич. Как я вам благодарна за сегодняшний вечер.

– Мы сможем встретиться завтра?

– Конечно.

– Как только стемнеет?

– Да. Как только стемнеет. Простите. Если можете, простите меня.

Он целует моё запястье.

– Вам нет нужды просить прощения.

– Я...

– Не надо! Не надо ничего объяснять. Я провожу вас.

– Нет. Пожалуйста, не надо.

– Муж?

– Нет никакого мужа. Но всё равно не надо.

– Тогда до завтра.

– До завтра.

Он улетает в понедельник. А до окончания курса лечения целых три дня. И потом ещё контрольный мазок. Неужели никак невозможно ускорить?

– Нет, нет и нет!

Людка тверда как камень. Сроду и не подумаешь, что эта россомаха может быть такой. Прямо фельдфебель в юбке!

– Впрочем...

Я оживляюсь. Но оказывается, что зря.

– Если тебе не нужна стопроцентная гарантия, то можешь прервать лечение хоть сейчас.

Ох, и врезала бы я тебе! «Не нужна»... Нужнее, чем когда бы то ни было.

– Вообще-то, – продолжает она задумчиво, – можно, конечно, воспользоваться презервативом...

– Всё, – я поднимаюсь со стула. – Вопрос исчерпан.

Он демонстрирует мне квартиру, купленную для Светы.

– Ну, как?

– Роскошно, – отвечаю я, заглядывая в постельный ящик. – Гляди-ка, полный комплект.

– Не скрою, была задняя мысль...

Он целует в шею, и у меня перехватывает дыхание.

– Ну-ну, – с трудом произношу я. – Не будем устраивать в квартире ребёнка...

– Не будем, – кротко говорит он и отходит к окну.

– Они будут жить тут с матерью?

– Не знаю, – пожимает он плечами. – Кажется, хотят поменяться с бабушкой. У неё трёхкомнатная.

Хочется спросить, куда же они денут свою, но одёргиваю себя: какое мне дело!

Глажу его плечи и тычу носом между лопаток.

– Завтра самолёт, – говорит он, не поворачивая головы.

– Я знаю. Тебя будут провожать?

– Света хотела.

– Тогда простимся сегодня.

В такси он целомудренно держит меня за руку. В его номере нас ожидает накрытый столик. С удивлением разглядываю рыжую бутылку.

– Коньяк? А где же шампанское?

– Шампанское – напиток радости, – говорит он и кладёт руки мне на плечи.

После третьей он пытается положить меня на лопатки. Сквозь ткань одежды ощущаю его могучую твердь, и две огромные слезы выворачиваются из-под век. Они катятся по щекам вразлёт, каждая по своей.

– Люба, – говорит он, осушая их губами. – Любушка. Ну, мы же...

– Прости, – хнычу ему в ответ. – Сегодня никак. Никак...

Он уже не успевает выпивать их, и подушка становится мокрой.

– Всё у нас ещё будет, – всхлипывая. успокаиваю я то ли его, то ли себя – Встретимся в Москве. Или в Питере. Правда?

Он кивает, и комната освещается его мягкой улыбкой.

Качаюсь в полутёмном автобусе и размышляю о том, как просто бывает иногда встретить свою «половинку». Стоит всего-навсего заразиться гонореей.

– О-о, Люба!

В чёрных глазах Сильвии – неподдельная радость.

– Ну, рассказывай: как там у вас. Как мама, как сынуля?

Она встречает меня как близкую подругу. К чему бы это?

Отдав долг вежливости, пытаюсь войти к шефу.

– Погоди! – шепчет она и оттаскивает меня за руку. – Сядь. Сейчас кофею попьём, посплетничаем.

– Занят, что ли?

– Занят! – ухмыляется она, разливая свой дёготь по чашкам.

Через несколько минут из кабинета шефа выскакивает тоненькая как зубочистка девчушка с пунцовыми щёчками и, мельком взглянув на нас, исчезает в коридоре. В те доли секунды, что она находится в проёме двери, я успеваю заметить, что её короткую светленькую блузку не худо бы и одёрнуть сзади.

– Сильвия! – слышится через приоткрытую дверь раскатистый голос шефа. – Там кто-нибудь есть? А то через пять минут я у-езжаю!

Я застаю его за надеванием пиджака.

– Кого я вижу! Люба-аша!

Он раскрывает навстречу мне объятия, но я уклоняюсь, и он не настаивает.

– Смотрел, смотрел твой отчёт. Прекрасно. Даже пре-превосходно! Не каждому мужику в нашем деле удаётся так результативно поработать.

Комплимент довольно оригинальный.

– Теперь дело за малым: поставить и решить задачку.

– Я как раз хотела...

– С этим вопросом тебе помогут в триста четырнадцатой.

Он сунул мне в руки пухлую папку с моим отчётом и легонько подтолкнул к двери.

– В триста четырнадцатой. И – как определитесь с постановкой задачи, так заглядывай.

Милости прошу!

Значит, «милости прошу». Ну-ну. Чем бы дитя ни тешилось.

314-я комната, вопреки всякой логике, находится не на 3-м этаже, а на седьмом. На двери, выкрашенной в чёрный цвет, скромно белеет табличка «Винник Розалинда Эйзеровна». И больше ничего – ни должностей, ни званий. Пожав плечами, толкаю эту дверь.

За огромным столом в клубах едкого папиросного дыма собственной персоной восседает Роза. Знакомый лохмотьеобразный костюм частично свисает с неё, частично возлегает на столе, покрывая собой справочники, схемы и выкладки. Едва взглянув на меня, она делает знак приблизиться, берёт мою папку и начинает листать, сминая страницы и с треском разворачивая графики. Через несколько минут этого безобразия кладёт поверх всего чистый лист бумаги и начинает покрывать его закорючками, бубня себе под нос:

– Здесь можно установить связь между «С», «Хи» и геометрическими параметрами. Получить табулированное решение либо построить номограмму, наложив ограничения по параграфу 38. Думаю, этого будет вполне достаточно.

– Я бы хотела разработать методику для всех случаев и дать рекомендации по проектированию, – осмеливаюсь пикнуть я.

Она выкатывает на меня поверх очков свои громоздкие маслины.

– Вы хотите вместе с кандидатским дипломом получить ещё и Государственную премию? И, очевидно, опасаясь, что я скажу «да», спешит добавить:

– Для изучения работы при этих видах загрузки потребуется выполнить ещё несколько серий испытаний. Вы на это пойдёте?

Ни на что такое мне идти не хочется. Увидев это, она молча суёт мне мою разворошенную папку, вложив туда листок со своими каракулями, и углубляется в прерванное моим появлением занятие.

Выйдя от неё, направляюсь в дамскую комнату, чтобы прийти в себя, а заодно поразмышлять над таинственным заклинанием «параграф 38», расшифровку коего постеснялась спросить у Розы.

В курилке, отгороженной от туалета лёгкой перегородкой, слышатся задорные девичьи голоса, и волей-неволей они притягивают моё внимание.

– У нашего Кащера, кажись, новая шлюшка.

– Это вот эта, «спичка»? Что на втором этаже поселилась?

– Ну, да. Тупая как сибирский валенок. У Верки вчера выспрашивала про линии влияния. А это у неё же в реферате всё расписано. Представляешь!

– А куда же делась вот эта... Фифа.

– Та, что в комнате с глазом? Любка? Ой, да она же старая!

– Ну, он-то, между нами, тоже не мальчик.

Обе прыскают.

– Всё лето была на экспериментах. Говорят, её там трахали всем посёлком.

– Иди ты!

– Точно. От начальника до шофёра. Драли так, что шум стоял!

Лёгкой перегородке повезло так же, как и девкам: все эти твари человеческие остались целыми и невредимыми. Тот, кто придумал повесить тут зеркало, сам того не ведая, спас их. И не только потому, что разбить его – плохая примета. Зеркало остановило меня главным образом тем, что благодаря ему я впервые в жизни увидела, насколько прав бывал Борюсик. В гневе я действительно прекрасна.

– Знаешь, какое моё самое любимое место в Москве?

– ГУМ.

– Ну-у! Ты уж сказал. Я там и не бываю-то никогда.

– Неужели Лужники?

– Не угадаешь. Ленинградский вокзал.

- Ух ты! Правда?
- М-м-м... Ты больно целуешься.
- Потому что больно люблю.
- Смотри, не наоставляй синяков.
- Обязательно наоставляю.
- Не валяй дурака! Будет же видно.
- Пусть завидуют.
- Я тебя не разочаровала?
- Ты меня очаровала. Очаровала. Очаровала!
- Ой, пусти. Это же невозможно.
- Это необходимо!
- Ты считаешь? Ты правда счи... О, Господи. Боже мой! Ма-амочки!!..
- Ты удивительная женщина. От обладания тобой сил только прибавляется.
- Тс-с... Только попробуй сглазить!
- И не подумаю!
- Хвастунишка.
- Стойкий боец.
- Вот тебе, «стойкий боец», вот тебе, чтобы не хвастал!
- Не грех и похвастать, если правда.
- Ну. И где она, ваша правда?
- Хочешь сигарету?
- Хочу. Но где наш «стойкий боец»?
- Отдыхает в ожидании приказа.
- Ах, так! Тогда сейчас возьму – и прикажу...
- О-о! Ты чудо. А я всё не мог решиться попросить тебя об этом.
- Молчи.
- Если смогу. Если... О!..
- М-м-м... А откуда ты знал, что это так вкусненько?
- А ты?
- Замётано. Оба мы кое-что знали.
- И это нас не портит.
- Напротив. Отдыхай.
- Нам не отдыхается.
- Ну, отдохни хоть чуть-чуть. Не заставляй меня испытывать угрызения совести.
- Не отдыхается!
- Что, совсем?
- Совсе-е-ем!
- Ах, ты так?.. Но так я не вижу тебя.
- Потом. Потом будем любоваться друг другом.
- Да...
- Ого. Какая ты сильная!
- Это не я. Это моя «защитница девичьей чести».
- Она выпустит меня на волю?
- Если захочет.
- Пусть она подольше этого не захочет.
- Я ей передам.

- Господи! Уже десять. А ведь только что было утро.
- Я бы даже сказал: только что была суббота.

- Тебя же ещё надо покормить.
- Не надо. Я сыт любовью.
- Ну, к Любви не помешает чашечка кофе. Со сливками. И ма-аленький такой бутерброд.
- И штук сорок пельменей.
- Это в следующий раз. Не мешай, я ведь могу обвариться.
- Не надо меня провожать. Не хочу, чтобы ты добиралась одна среди ночи.
- Я возьму такси.
- Всё равно...
- Я позвоню тебе.
- Но это ведь будет только утром.
- Не перечь даме! Лучше лови машину. Вон она, видишь?

- Вокзал почти пустой. Наверно, все уже загрузились.
- Странно видеть вокзал, который закрывают на ночь. Ой... Съел всю помаду.
- Тебе жалко?
- Мне жалко...
- А что это у нас блестит на щеке?
- Не обращай внимания. Вот твой вагон.
- Точно.
- Знаешь, какое моё самое ненавистное место в Москве?
- Кажется, догадываюсь.

Кокнула импортную тушь. Уронила на пол и пока искала, где она там, наступила на неё каблуком. Курица слепая! Вот попробуешь сделать это нарочно – так ничего ведь не получится.

Кстати о «слепой курице». Где очки? Куда могли деться очки? Так. Спокойно. Вчера перед сном штудировала доклад. Вот он, лежит на столе как миленький. В папку его, чтобы не забыть. А ручка там есть? Слава богу, есть. Ну-ка... Не пишет, сволочь. А вот эта? Какие-то борозды делает. Да что же такое! Во всей комнате нет нормальной ручки. Не у соседей же занимать! Ага, вот в сумочке... Тьфу ты, это же косметический карандаш! Ну, всё. Приплыли, Любовь Сергеевна. Наплевать? Уж ручку-то там дадут, если что... Нет. Это не вариант. Если пойти без ручки, то буду всю дорогу думать только о ней. Нужен мне такой кошмар? А что это там торчит из расчётно-теоретического?.. Ру-учка. Родненькая. И что же ты там делала? Ой, пишет-то как здорово. В папку её. А остальные – в ведро. Чтобы, не дай бог, не спутать.

Так. Время... Время, слава богу, ещё есть. Присесть на минутку. Что ещё нужно? Авто-реферат. На месте. Носовой платок... Я что, собираюсь плакать? А, всё равно. Не плакать, так потеть. Что ещё, что ещё?.. Ах, да: очки же... Куда их черти занесли! Может, под кроватью? Что им там делать! Но где же тогда?

Халат валяется. Повесить? Да пусть валяется, пёс с ним. Нет, повешу... А что это там, в кармане? Надо же: очки. Откуда? Вечером я халат как будто не надевала...

Надо позавтракать. Но есть совсем не хочется. Выдержу так? Нет, всё-таки надо что-нибудь проглотить. Что бы я делала, если бы на свете не было шоколада!.. Господи, какие дурацкие мысли. А о чём будешь говорить сегодня? С чего хоть начинать-то будешь?.. Ой, мамочки, ни фиги не помню! Башка пустая как турецкий барабан.

Да и хрен с ней, в конце концов. Сколько можно! Что-нибудь вякнем.

Как хорошо на улице. Солнышко. Асфальт умытый поблескивает. Клёны с чёрными стволами негромко разговаривают, листьями своими благородными покачивают. Троллейбус, вон, остановился. Чистенький, светлый. Влезть в него, да и махнуть отсюда к чёртовой бабушке.

Побродить по усадьбе Кусково, в Новогиреево на прудах уточек покормить. Да мало ли куда ещё...

Они собираются нехотя, как будто из-под палки. Неведомский неслышно заходит в зал, садится где-то в стороне и сразу погружает свой массивный нос в принесённый им подмышкой журнал. Грузный Федотов с «бадиком» громыкает вдоль прохода и, добравшись до стола, сразу принимается пить минералку. Роза в своих лохмотьях усаживается у окна, не переставая что-то писать в толстой тетради. Онищенко в элегантном светлом костюме устраивается рядом с председательским местом. Говорят, стал, подлец, то и дело кидать «чёрные шары». Что б ему уехать на это время куда-нибудь на симпозиум! Нет, припёрся, засранец., по мою душу.

От этих мыслей отвлекает появление Леонида Валерьяновича, который прилетел из своего далёка для того, чтобы сыграть роль моего официального оппонента. Он – единственный, кто интересуется, нахожусь ли я в зале и вообще, существую ли в природе. Отыскав меня глазами, ободряюще улыбается и тут же отворачивается со строгим видом, дабы не давать пищу нежелательным суждениям.

Шеф со своей «зубочисткой» присаживается ближе к выходу. Он не переставая говорит ей что-то полущёпотом, и с моего места видно, как эта дура на глазах расцветает и начинает флюоресцировать.

Потихоньку в зал набираются аспиранты, командированные инженеры с периферии, студенты-старшекурсники и всякие празднующиеся. Ждут Ульянова. Он входит в сопровождении двух негроидов в чудных, словно вязаных, шапочках. Не садясь за стол, подписывает какие-то бумаги, сердечно пожимает их фиолетовые руки и занимает председательское место.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.